

Ходжиакбар ШАЙХОВ

БЛЕСК АЛМАЗА

Повесть

Перевод с узбекского ВАЛЕРИЯ НЕЧИПОРЕНКО

(с) Издательство "Молодая гвардия", 1985 г.

I. ЗАГАДКА РЕНЭ

Кажется, не было во всей исследованной части Вселенной более загадочной планеты, чем Ренэ.

Открыли ее еще в пору первых межзвездных полетов, тогда же была сфотографирована значительная часть ее поверхности.

На снимках был виден мрачный, безжизненный мир: бескрайние каменистые плато, пустыни, выжженные жаркими лучами, нагромождения скал, каньоны и ущелья, отверстия пещер, языки застывшей лавы...

Снимки, сделанные затем с более близкого расстояния, не добавили к уже известному ничего нового: почти вся поверхность планеты оказалась покрытой овальными плоскими камнями различной величины.

Откуда на Ренэ столько овальных камней? Поначалу решили, что это остатки метеоритных дождей. Однако от этой версии пришлось отказаться: атмосфера планеты была настолько плотной, что даже очень крупные метеориты вряд ли могли достичь ее поверхности.

Вероятно, все дело было в песчаных бурях. Они разрушают горные породы, поднимают и переносят на большие расстояния обломки, рассеивают их по пустыням. Они же, эти бури, шлифуют камни, придают им с течением времени овальную форму.

Итак, все объяснилось, и планета Ренэ при первом отдаленном знакомстве ничем не поразила воображение ученых Земли. До поры до времени земляне, расширяя познания о космосе, обходили ее стороной.

Прошло несколько десятилетий.

Постепенно из мира, затерянного где-то на околицах изученного космоса, планета Ренэ превращалась едва ли не в основной узел пересечения звездных трасс.

Было решено создать в ее окрестностях промежуточную станцию для ремонта, снабжения и координации полетов звездолетов. Материалы для строительства станции выгоднее всего было, конечно, изыскать на самой планете.

На каменистое плато опустился первый автоматический геологоразведчик. Посадка прошла благополучно. Телекамеры работали нормально. Видимость и связь были отличными. Вездеход медленно катил по плато, а люди за пультом управления в Космическом Центре уже готовились дать автомату команду на остановку и взятие проб грунта, как вдруг пропали и изображение, и связь. Тщетно инженеры дежурили несколько недель у пульта, связь так и не возобновилась.

Снова и снова ученые прокручивали последнюю запись телесигналов автоматического вездехода. Она была на редкость монотонной. Практически ровное плато. Неширокие трещины, пологие канавки. На горизонте зубчатая стена причудливых скал. Вокруг все те же плоские

овальные камни. И мгновенное прекращение сигналов.

Ни малейшего намека на опасность.

Быть может, внезапно налетела песчаная буря?

Но для посадки специально выбрали каменистое плато, окруженное горными грядками.

Может быть, планета способна экранировать радиоволны? Искажать их направление?

Но почему тогда вначале связь все-таки существовала?

Оказывается, малоинтересная, бесперспективная планета скрывает какую-то тайну. К Ренэ ушел еще один автомат-разведчик и еще один результат был тот же. И тогда к Ренэ отправилась экспедиция во главе с капитаном Старком.

«Фотон» опустился на то же каменистое плато, что и первые автоматы. Здесь космонавтов ожидала неожиданность: шины, пластмассовые детали, два-три изолятора — вот все, что осталось от вездеходов. И никаких следов, способных объяснить происшедшее. Густой красноватый воздух, безмятежные скалы, пещеры в них...

Первым делом Старк обратил внимание на пещеры. Если плато отлично просматривается на много километров вперед, то пещеры могут что-то скрывать. Экипаж начал готовиться к исследованию ближайшей пещеры.

«Фотон», находившийся на Ренэ, поддерживал связь с Землей, и в Космическом Центре были убеждены, что дела у Старка идут хорошо.

Но в тот момент, когда все внимание космонавтов было приковано к пещере, которой почти достиг вездеход, изображение на экране пропало. Взволнованный Старк сообщил, что пропала и связь с вездеходом. Правда, в бинокль командир «Фотона» хорошо видел вездеход. Тот остановился у самой пещеры. До нее было километра два напрямую через плато. Вездеход был как будто в полной целостности и сохранности, но почему он остановился, Старк понять не мог.

И тут же с еще большей тревогой в голосе Старк передал, что со стороны дальнего участка плато к «Фотону» с громадной скоростью движется песчаная туча.

Почти тут же пропала телесвязь и с «Фотоном».

А через секунду Старк прокричал в эфир:

— Ни в коем случае не совершайте больше посадок на Ренэ, не изучив...

«Изучив» — было его последним словом.

«Фотон», так же как и автоматические станции, умолк навсегда.

* * *

Теперь каждому было совершенно ясно, что разгадать тайну планеты сможет только хорошо подготовленная экспедиция. И как нельзя кстати оказалось то, что в это время на стапелях Титанограда — индустриального центра Марса — заканчивался монтаж звездолета «Алмаз».

«Фотон» исчез в конце февраля, «Алмаз» должны были испытывать в начале марта.

В общем-то «Алмаз» готовился для другой звездной экспедиции, но ввиду чрезвычайных обстоятельств Космический Центр решил использовать его для разведки планеты Ренэ.

Одновременно всем космонавтам, ученым, социологам были разосланы тесты, где приводились последние слова Старка: «Ни в коем случае не совершайте больше посадок на Ренэ, не изучив...» Предлагалось закончить эту фразу наиболее убедительным доказательством.

* * *

Олмос Азизович Азизов, космонавт высшего класса, въехал на своем электромобиле на 38-й этаж Космического Центра. Здесь он поставил машину в служебную ячейку и пошел по

широкому кольцевому коридору.

Азизов волновался. Кажется, уже не новичок в космосе и не одна экспедиция за плечами, а вот получил сегодня вызов из Центра и целых три дня не находил себе места.

Радий Артурович Винтицкий уже ждал Азизова. Он поднялся навстречу космонавту, крепко пожал руку. Они были почти одногодками, и Винтицкий, до того как его избрали руководителем Центра, тоже немало полетал. И хотя они не участвовали ни в одной совместной экспедиции, тем не менее отлично знали друг друга и были на «ты».

Винтицкий переложил на столе какие-то бумажки, задал несколько общих вопросов о здоровье, настроении, о семье.

— Ну как, — спросил он наконец, — есть желание еще разок прогуляться по Галактике?

— Смотря что за прогулка, — осторожно ответил Азизов.

— Да тут рядом, — словно речь шла о соседней комнате, обронил Радий Артурович.

— Насколько я знаю, планируется только одна подобная экспедиция Ренэ?

— Да, Ренэ.

Некоторое время сидели молча.

— Жарко! — первым нарушил молчание Азизов.

Винтицкий нажал на одну из клавиш пульта. В кабинет въехала тележка-автомат, уставленная бутылочками. Огибая стол, она подкатила к Винтицкому:

— Я не хочу, — отмахнулся тот.

Тележка развернулась и подъехала к Азизову.

Он взял с подноса высокий бокал, смешал лимонный сок с минеральной водой.

— А экипаж?

— Экипаж, как всегда, подбирает командир из кандидатур, предложенных Высшим Советом.

— Какой состав утвердили на этот раз?

— Три человека, причем вместе с командиром. Тебе предстоит подобрать еще двоих.

— Но почему столь ограничен экипаж?

— Совет решил, что этого достаточно. Во-первых, «Алмаз» нашпигован автоматикой и кибернетикой, ну, а во-вторых, тот риск, которому вы подвергаетесь, не станет меньше, если на борту «Алмаза» будет еще тридцать человек. Кроме того... — Винтицкий замялся.

— Я слушаю, — нетерпеливо проговорил Азизов.

— Кроме того, существует мнение, и к нему нельзя не прислушаться, что на планете Ренэ земляне столкнулись с проблемой, которая, возможно, не будет решена в ближайшем будущем. На вас возлагается в основном разведывательная миссия. Вы должны собрать дополнительные данные и вернуться. Обязательно вернуться, слышишь, Олмос. Возможно, — он закрыл глаза и покачал головой, — еще не одна экспедиция побывает там, прежде чем мы разгадаем тайны Ренэ. Но учти, Олмос, это я говорю тебе одному.

— Ясно.

Винтицкий достал из ящика стола лист бумаги и протянул командиру.

— Вот список. Здесь двенадцать человек. Ты прекрасно знаешь каждого. Я не тороплю тебя, но... в общем, думай. — И он пододвинул к себе лежащий на краю стола журнал.

— Я беру Шахбоза Муратова, — едва взглянув в список, сказал Азизов.

— Муратов слишком молод.

— В его годы я налетал втрое меньше. У него светлая голова.

— Муратов неважный биолог и совсем плохой медик.

— Зато там понадобится отличный физик, прекрасный химик и знающий геолог. А Муратов как раз и является таким специалистом.

Винтицкий хотел еще что-то возразить, но воодушевленный Азизов перебил его:

— И кроме того, у Муратова есть качество, которым невозможно пренебрегать, особенно в нашем деле.

— Что ты имеешь в виду? — заинтересовался Винтицкий, оторвавшись от журнала.

— Везучесть.

— Ну, знаешь!

— Знаю, — коротко отрезал Азизов. — Потому и говорю.

Винтицкий улыбнулся, развел руками:

— Что ж, тебе виднее... Будем считать кандидатуру Шахбоза Муратова утвержденной. Кто второй?

Азизов повертел список и отложил в сторону.

— Второго здесь нет.

Винтицкий с удивлением приподнял бровь:

— Как это понимать?

— Понимать это надо так, что второй член экипажа сидит в настоящий момент в Алма-Атинском метеоцентре и, возможно, даже не помышляет о путешествии на Ренэ. Его имя Укен Авезов.

— Но ведь он не космонавт. Он, наверное, и с Земли никуда не выбирался.

— Почему же? Проходил практику на Венере, бывал на Сатурне. Неужели ты полагаешь, что я возьму неоперившегося птенца?

— Ренэ... — вздохнул Винтицкий и спрятал список кандидатов в стол. Ну что ж... Пусть будет Укен Авезов. Но, — он предостерегающе поднял указательный палец, — до включения в состав экспедиции этот твой Авезов должен пройти испытания на тренажере.

— Не возражаю.

— Хорошо. Тогда срочно вызывай его сюда, а я попрошу, чтобы ребята подобрали для него подходящую программу.

После небольшой паузы Винтицкий спросил у Азизова:

— Ты тоже веришь в версию о песчаных бурях?

— Я считаю, что мы должны как можно подробнее изучить это явление. Только когда мы будем в полной уверенности, что песчаные бури безопасны, только тогда сможем начать поиски в других направлениях, — уклончиво ответил командир.

— Понятно. Кстати, а чертежи «Алмаза» ты просмотрел?

— Ну разумеется.

— Там небольшое изменение. Мы переделали посадочный блок.

— Я слышал об этом.

— Хочешь посмотреть макет?

Винтицкий прошел в угол кабинета и сдернул покрывало с какого-то громоздкого предмета. Под покрывалом был стеклянный куб, внутри которого на зеленой подставке покоился макет посадочного блока.

— Но ведь это... — пробормотал удивленный Азизов.

— Чему ты удивляешься? Конструкторы получили задание разработать особо устойчивый блок. И задание они выполнили, нашли оптимальную форму.

— Но ведь это точная копия камней с Ренэ! — воскликнул Азизов.

— Только гораздо больших размеров.

— И все же странное совпадение...

* * *

Укен Аvezов застегнул шлем с датчиками на контрольный контакт и, провожаемый подбадривающими взглядами проверяющих, спустился через узкий люк в камеру.

Странно! Еще две недели назад не было для него более интересного дела, чем подготовка к летней экспедиции в Гималаи. Там, в обсерватории Всемирного метеоцентра, он рассчитывал собрать недостающие данные для своей новой работы.

Неожиданно события круто изменили привычный уклад жизни.

Все началось с визита известного космонавта Азизова. Олмос Азизович приходил, чтобы навести справки о природе космических вихрей. Укен охотно давал пояснения. Ему было лестно, что знаменитый гость с таким вниманием и интересом слушает его.

Затем последовал вызов из Космического Центра, где Аvezову предложили пройти испытания на тренажере. «Зачем?» — недоумевал Укен. Он не собирается в полет. Но вот вчера появилось сообщение, что командиром звездолета «Алмаз» назначен Азизов. Нет ли здесь взаимосвязи с вызовом его в Космический Центр?

— Готовы? — послышалось в шлемофоне.

— Готов, — четко ответил Укен.

— До старта осталось тридцать секунд. Счастливого полета!

Там, «наверху», явно иронизировали. Ребята выполнили просьбу Винтицкого и подобрали ему «веселенькую» программу: Укену предстояло «совершить посадку» на планету Финтифлюшка.

— Спасибо за напутствие, — в тон ответил Укен. Чуть подумал и пообещал: — Ждите сувениры.

Закрылся люк. Погас свет. Кресло качнулось, и Укен почувствовал, что мчится с громадной скоростью по черному тоннелю.

Конечно, Укен не был новичком в космоплавании. С одной стороны, он отчетливо осознавал: все, что сейчас произойдет с ним, — произойдет не всерьез, не на самом деле, это имитация настоящего. С другой стороны, он прекрасно знал: сознание испытываемого настолько вытягивается в тренажный процесс, что начинаешь относиться абсолютно реально к своим нереальным приключениям. И он волновался: сумеет ли не отвлечься, выполнить задание как надо? А главное — не попадет ли в смешное положение? Ведь там, «наверху», бесстрастно зафиксировался любой его промах.

Негромко запела сирена, давая знать, что корабль приближается к Финтифлюшке. Прямо в глаза ударил нестерпимо яркий зеленый свет звезды Корсар. На Финтифлюшку Укену нужно было сесть с теневой стороны. Почему этого он не знал. Нужно было, и все — так приказывала программа.

Он развернулся и облетел планету. Диск Корсара исчез за ее краем. Мгновенно наступил непроглядный мрак. Укен включил посадочные прожектора и начал снижение, то и дело поглядывая в иллюминатор.

Поверхность планеты была неровной. Повсюду торчали небольшие горбатые холмики, точно кочки в болоте. Выбрав холмик побольше и поровнее, Укен повел корабль к нему. У самой поверхности он включил тормозной двигатель. Корабль несильно ткнулся в грунт Финтифлюшки.

Облачившись в легкий скафандр, Укен вышел из корабля. Грунт под ногами был твердый как металл. Он спустился вниз с холма. В низинке грунт был таким же твердым. Поверхность планеты словно покрывал слой металла.

Вдруг в луче прожектора появилась из темноты какая-то глыба. Глыба медленно выползала

из-за соседнего холма. Укен присмотрелся внимательно и вздрогнул. Он увидел безобразную пасть, два маленьких красных глаза и отвратительную ноздрию между ними. Страшилище оттолкнулось от почвы и потянуло к Укену две толстые лапы с желтыми длинными когтями. Чудище вдруг замерло на миг, и из его ноздри вырвалась зеленая молния. Укен почувствовал, как воспламенилась краска на скафандре, но не побежал к противопожарному устройству, усилием воли заставил себя остаться на месте, полагая, что это еще не самое страшное.

Из-за горизонта стремительно выбежал яркий Корсар. Повсюду отчетливо слышалось какое-то шипение, бульканье. Встревоженный Аvezов посмотрел под ноги, где только что ощущал металлическую твердость грунта.

Поверхность Финтифлюшки таяла на глазах. Таяла так же, как тает лед, положенный на горячую плиту. Холмики еще держались кое-как, но в низинах уже переливалась и бурлила грязная густая жижа. Вот уже и холмики начали медленно погружаться в пучину этой расплавленной грязи.

Укен рванул назад к кораблю, который уже покачивало на оседающем холме.

Старт! Немедленный старт!

Но бежать так бесславно с неизвестной планеты? Нет, не затем он сюда «летел»!

Укен обшарил взглядом приборную доску пульта управления, и тут его осенило. Мгновенно он ткнул пальцем в кнопку с надписью:

«Холод»

Заработала холодильная установка, нагнетая холод вокруг корабля. Жижа быстро затвердела. Вот уже целый островок наморожен вокруг корабля.

Укен вытер со лба холодный пот и включил двигатель. Корабль оторвался от поверхности и медленно «пошел ввысь».

Укен вздохнул облегченно.

Но корабль вдруг качнуло и повело куда-то в сторону. Он сбился с курса? Укен посмотрел на приборы. Проклятье! Он попал в замкнутый воздушный поток. Такие потоки не редкость в атмосфере Финтифлюшки. Теперь можно даже выключить двигатель, и корабль все равно будет выписывать бесконечные восьмерки.

Корабль подходил к верхней петле восьмерки. Укен нажимал на кнопки, стремясь выйти из петли по касательной. На мгновение корабль застыл в мертвой точке. Совсем немного оставалось ему, чтобы вырваться на свободу для этого надо было лишь максимально увеличить тягу, но, к сожалению, никакого резерва энергии у Укена уже не было. Корабль снова свалился в петлю, а Аvezов зажмурился от отчаяния.

Когда Укен снова открыл глаза, то не имел ни малейшего представления о времени. Сколько продолжался его полет? Месяц? Год?

— С благополучным возвращением! — послышался в шлемофоне голос дежурного. На этот раз, кроме иронии, в нем угадывалось и уважение. — Мы ждем вас!

Укен отстегнул ремни.

— Иду!

Поднялся через узкий люк в светлое помещение. Здесь толпилось человек десять-двенадцать, и среди них Азизов.

* * *

Азизов остался доволен «Алмазом». Что и говорить, корабль был отличный.

Опробование звездолета проводилось в районе обсерватории Крайней, занимающей в космосе место, диаметрально противоположное Плутону. «Алмаз» был опробован во всех режимах и заслужил самую высокую оценку командира.

В тот день произвели и испытание посадочного блока «Бургут».

До старта оставалось два дня.

Азизов улетел домой к семье, а Муратов и Авезов обосновались пока на Крайней.

Шахбоз сидел в библиотеке, еще и еще раз просматривая чертежи посадочного блока. Решено было, что «Бургут» поведет он. Не упустить бы чего.

Поначалу работалось плохо. Он смотрел на белые листы, а воображение то и дело рисовало фантастические картины их полета — одну нереальнее другой.

Наконец он сумел сосредоточиться: кропотливо разобрал схему стыковочного узла и удовлетворенно хмыкнул. Ну вот! Удалось отыскать деталь, назначение которой было не совсем ясно. Значит, не напрасно просматривал чертежи вновь и вновь.

Шахбоз отодвинул от себя альбом. Куда это запропастился Укен? Пора, пожалуй, и ужинать. После ужина он перелистает еще пару альбомов, что-нибудь почитает, а там и на покой. Проснется — уже будет завтра. Еще денек — и в путь! Скорее бы!

— Укен! — позвал Шахбоз.

Открылась дверь, вошел Укен. Одно полотенце у него было повязано на поясе, другое переброшено через плечо, в руке он держал большую ложку.

— Не пора ли ужинать? — спросил он Шахбоза с улыбкой на смуглом лице.

— Я для того и позвал тебя. Но что за вид такой? Зачем? — Шахбоз потянулся к кнопке вызова дежурного робота.

— погоди, друг! — остановил его Укен. — Не надо сегодня ни роботов, ни синтетической еды. Сегодня я тебя угощаю.

Они вышли в гостиную. Стол уже был накрыт. Посередине стоял небольшой котелок, плотно накрытый крышкой.

— Ну что ж, пировать так пировать, — весело сказал Шахбоз, усаживаясь за стол.

Укен разложил по тарелкам куски мяса и нарезанные квадратиками сочни теста. Отдельно разлил по чашкам бульон.

— Как называется эта божественная еда, чей дух щекочет мне ноздри? спросил Шахбоз.

— Бешбармак. Кушанье моих предков.

Шахбоз покачал головой.

— Да, наши предки понимали толк в кулинарии. Этого у них не отнимешь. Ну что ж, за наш успешный полет! Может быть, ты и на «Алмазе» возьмешь на себя обязанности повара?

— Ты ешь, ешь, — подкладывал ему лучшие куски Укен.

Когда с бешбармаком было покончено, Укен вопросительно глянул на Шахбоза.

— А теперь можно вопрос задать тебе? В связи с нашими сегодняшними испытаниями защитного поля «Бургута».

— Давай. За такой царский ужин отвечу на любой твой вопрос, — весело разрешил Шахбоз.

— Только прошу тебя, Шахбоз, даже если тебе покажутся наивными мои вопросы, не смейся. Я ведь не профессиональный космонавт.

— Уж не прибудняйся, Укен. Спрашивай.

— Так вот. Объясни мне, какую форму имеет защитное поле «Бургута»?

— Но ты видел — «Бургут» по форме напоминает сплющенное яйцо. Точно такую форму имеет и защитное поле. Некоторым искривлением силовых линий у полюсов можно пренебречь. А где у «Бургута» полюсы, я думаю, ты знаешь.

— Ясно. Но насколько надежно это защитное поле?

— Давай продолжим прежнюю аналогию с яйцом. «Бургут» — это желток, а внешняя граница силового поля — скорлупа. Но скорлупа простого яйца хрупкая, скорлупа же «Бургута» — его защитное поле — непроницаема для посторонних предметов.

— Иными словами, защитное поле как бы увеличивает толщину обшивки «Бургута»?

— Сам «Бургут», по сути, беззащитен и хрупок. Простой метеорит запросто пробьет обшивку. А наткнувшись на силовое поле, даже крупный метеорит мгновенно испарится.

— Понятно. Значит, «Бургут» — желток, защитное поле — скорлупа яйца. Пока «Бургут» опускается на чужую планету, пока он находится в атмосфере, яйцо остается яйцом. Но что происходит с силовым полем в момент приземления? «Бургут» так и не коснется грунта? Силовое поле под его днищем будет удерживать блок на некоторой высоте от поверхности планеты?

— В принципе это возможно, — ответил Шахбоз, — но нецелесообразно, так как требует огромного расхода энергии и ничего не дает.

— Значит, днище «Бургута» все же коснется планеты?

— Конечно.

— А что при этом произойдет с силовым полем?

— Линии, разумеется, искажутся в зависимости от свойств грунта. Теперь это уже будет не яйцо, а, скажем, пирожок. Но действие силового поля от этого не станет слабее.

— То есть «Бургут» по-прежнему будет защищен и снизу?

— Конечно.

— Так. Ну а тот кусочек грунта, который попал внутрь силового поля, внутрь скорлупы? Тот грунт, на котором будет стоять «Бургут»?

— Этот кусочек теперь будет составлять одно целое с кораблем, то есть он сам защищен от влияния извне. Но вот его влияние на корабль уже не зависит от силового поля. Ты это хотел услышать от меня?

— Да, это.

— Тогда учти следующую вещь. Перед посадкой этот самый грунт, о котором мы с тобой толкуем, прожигается и обрабатывается специальным облучением. Все бактерии, микробы, вся органика в нем уничтожается. Так что абсолютно никакой опасности он не представляет.

— Ясно.

— А зачем это тебе?

— Когда мы сегодня испытывали «Бургут» и сели на полигоне, я вдруг подумал об этом кусочке грунта. Ты ведь знаешь, я новичок в космосе.

Время было позднее, но сон не шел. Долго еще в гостиной звучали голоса Шахбоза и Укена.

* * *

Ренэ была единственной планетой затухающей красной звезды Годво. Название планета получила в свое время от имени известного астронома Ренэ, доказавшего ее существование теоретически.

Впрочем, не всегда мир звезды Годво состоял из одной планеты. Когда-то их было гораздо больше.

Но уже много миллиардов лет назад Годво вступила в пору заката. Она тускнела, гасла, истощала энергию. Нарушались привычные связи. Планеты теряли скорость, уменьшался диаметр их орбит, и постепенно одна за другой они сваливались на красное светило.

И вот теперь на расстоянии семидесяти миллионов километров от Годво кружится в космосе единственный уцелевший кусочек материи, чтобы через несколько миллиардов лет разделить

судьбу своих предшественниц.

Азизов переключил все системы корабля на автоматическое управление и облегченно вздохнул. Наконец-то они у цели! «Алмаз» — искусственный спутник Ренэ. Первый этап путешествия, можно сказать, закончился благополучно.

Через сутки они начнут исследования Ренэ. Через сутки, может быть, у них появится какая-то зацепка. А сейчас — отдых. Полный покой и отдых в восстановительных камерах.

Конечно, им хотелось взглянуть на Ренэ уже сегодня, прямо сейчас. Но командир был непреклонен: после семидесяти бессонных часов, пусть даже под пристальным наблюдением биорегуляторов, они нуждались в восстановлении сил.

Все сделанное ими до сих пор — всего лишь пролог. Настоящая работа начнется через сутки. И кто знает, каких сил потребует она от членов экипажа.

* * *

Олмос Азизович, Шахбоз и Укен в круглом зале «Алмаза» не спускали глаз с фиолетового экрана. Это поверхность планеты Ренэ переливалась на нем всеми фиолетовыми оттенками.

Автоматический телеразведчик парил в атмосфере Ренэ. До сих пор все шло хорошо, связь не прерывалась ни на минуту.

Внизу проплывала бескрайняя сиреневая пустыня. Кое-где высились темные растрескавшиеся валуны. Вокруг валунов, а также и на них самих лежали плоские овальные камни. Звезда Годво еще обладала достаточной энергией, чтобы нагреть их до семидесяти градусов по Цельсию.

Вдруг на одном из участков обозримой площади песок пришел в движение. По-видимому, мощные встречные потоки воздуха взвинтили песчаный смерч на высоту нескольких сотен метров. Песчинки кружились все быстрее и быстрее. Основание смерча начало увеличиваться в диаметре. Песчаный столб слегка наклонился в одну, потом в другую сторону, а затем, словно отыскав нужное направление, резко накренился и помчался по пустыне, увлекая за собой все новые и новые массы песка. Теперь это был уже не смерч — фиолетовая продолговатая туча неслась по пустыне, и из нее то и дело вылетали огромные валуны и рассыпались, ударяясь о землю.

— Ну что, — обратился Азизов к коллегам, — пожертвуем ради науки одним телеспутником?

— Конечно, — отозвался Шахбоз. — Уж лучше мы сами пожертвуем разведчиком, чем ждать, пока эта фиолетовая обманщица утянет его у нас без спроса.

— Бедный телеспутник! — притворно запричитал Укен. — Недолго парил ты в свободном пространстве. Так будь же последней жертвой на этой «благословенной и гостеприимной» планете!

Перейдя на ручное управление, Азизов быстро погнался за вихрем и спикировал его вниз, чтобы автомат попал в самый центр песчаной тучи.

Изображение на экране заметалось, запрыгало, задергалось. Сам телеспутник трепетал в песчаных струях, как рыбка, попавшая в сеть. Его двигатели, достаточно мощные, почти не помогали ему. Его тянуло вместе с тучей к бледно-синим зубчатым скалам, появившимся на горизонте. Азизов сориентировал телеспутник по ходу движения тучи, увеличил скорость почти до максимума, автомат с большим трудом, но все же выскользнул из бешено крутящихся потоков песка и воздуха. Командир поднял его на высоту, недоступную для смерча, и повернулся к космонавтам:

— Понимаете что-нибудь?

— Связь не пропадала ни на секунду, — возбужденно ответил Шахбоз. Выходит, причина молчания «Фотона» вовсе не в песчаных бурях.

— У урагана практически нет опережающей волны, — проговорил Укен, летящий песок не в состоянии экранировать даже радиосвязь, не говоря уже о точечном канале... Короче, по первому впечатлению это самый обыкновенный ураган. Разумеется, обыкновенный для этой планеты. Скорость, конечно, дикая...

— И вылетает вихрь совсем не из пещер, — подмигнул ему Шахбоз.

— Так я и думал... — пробормотал командир.

— Вы что-то сказали? — переспросил Шахбоз.

— Да, продолжаем обзор.

Телеспутник помчался в сторону зубчатых гор. За их стеной должно было тянуться ровное каменистое плато. Именно там замолчали первые автоматические станции, совершившие посадку на Ренэ. Именно там пропала и экспедиция Старка.

Горная гряда оказалась длинной и узкой. За ней потянулись ущелья, разломы, выходы на поверхность планеты каких-то каменных плит. В отвесных скалах виднелось множество пещер. В основном это были узкие трещины с обвалившимися краями. Но некоторые из пещер поражали своими размерами и очертаниями отверстий. Они были круглыми или же овальными. Что делалось в их глубине, различить было невозможно. Лучи Годво не проникали туда, а опускать телеразведчик ниже было рискованно, да и бесполезно.

За пещерами раскинулось каменистое плато — ровный кусок скального пласта, на котором не удержаться ни одной песчинке, зато здесь было множество овальных камней, раскиданных тут и там.

— Стоп! — вдруг вскрикнули космонавты разом.

Телеспутник развернулся и, описывая плавные сужающиеся круги, приблизился к месту, так заинтересовавшему землян. Посредине плато высилось странное сооружение.

— Что это?! — воскликнул Шахбоз.

— Искусственное сооружение!.. — прошептал Укен.

— Да, искусственное сооружение, — нахмурился брови, ответил Азизов. Перед вами «Фотон». Вернее, то, что от него осталось.

— «Фотон»!..

С ужасом и жалостью смотрели космонавты на остатки некогда славного корабля.

От звездолета остались, по сути, только внутренние перегородки. Обшивки не было, как не было и защитных экранов. Энергетический отсек представлял собой темную спекшуюся массу. Жилые помещения, главный пульт корабля, восстановительные камеры пришли в полную негодность.

У экипажа «Алмаза» до последней минуты теплилась надежда на спасение своих коллег. Но теперь...

Долго ходил по кругу телеспутник. Светился фиолетовый экран. Тихо и уныло было в круглом зале «Алмаза». Первым нарушил молчание Азизов. Впрочем, до него никто и не отважился бы заговорить. У Азизова на «Фотоне» были друзья...

— Впечатление такое, что корабль размонтирован, — мрачно произнес он.

— Похоже.

— Обратите внимание: внутренние перегородки почти не повреждены.

— Какой смысл космонавтам было размонтировать звездолет?

— Им — никакого!

— Значит...

— Значит, корабль разобрали другие.

— Но кто?

— Это нам с вами и предстоит узнать. Посмотрим, что с вездеходом, проговорил Азизов.

Вездеход с «Фотона» обнаружили метрах в тридцати от входа в одну из пещер. Вернее, не сам вездеход, а то, что от него осталось — остекление кабины, несколько рубчатых ободов колес, пластиковые перегородки и щиты. Особенно поражало сохранившееся остекление кабины вездехода. Остекление изготовлялось из сверхпрочного сплава, а затем еще и намертво вделывалось в металлический корпус вездехода. Отделить остекление от корпуса самим космонавтам было практически невозможно. Такая необходимость вообще не предусматривалась конструкцией машины. Подобная операция никогда не проделывалась и на заводах. Если было нужно заменить корпус вездехода, то его меняли вместе с остеклением. Только такой способ обеспечивал надежную герметизацию корпуса. И вот теперь экипаж «Алмаза» с удивлением смотрел на остекление, аккуратнейшим образом отделенное от корпуса.

— Олмос Азизович, — заговорил Шахбоз, — обратите внимание, и на «Фотоне», и на вездеходе отсутствуют металлические части.

— Посмотрите, как умело размонтирован и корабль, и вездеход. Чувствуются навыки и сноровка.

— Да. Но этот великий умелец к тому же отличается и жестокостью. Разобрав корабль, он вольно или невольно способствовал гибели экипажа.

— Олмос Азизович, а может быть, сам экипаж по каким-либо причинам демонтировал корабль?

Азизов невесело улыбнулся:

— Исключается. В распоряжении экипажа нет для этого достаточных технических средств.

— Тогда кто это мог сделать?

— Не знаю.

— Разобрать «Фотон» могли только разумные существа. Возможно, они обитают в пещерах.

— Вряд ли. Раз уж они не побоялись выйти на поверхность и разобрать машины, то какой смысл им постоянно сидеть в пещерах? Да и выходы из пещер имели бы, вероятно, тогда другой внешний вид.

— А может быть, длительное пребывание на поверхности таит для них опасность?

— Какую? Метеоритной опасности нет. Атмосфера достаточно плотна. Песчаные бури не так уж и опасны. Да и можно предсказывать их. К тому же в районе плато они, по-видимому, бывают не часто. Но главное не в этом. Разумные существа, способные с таким поразительным мастерством разобрать инопланетный корабль, по-видимому, не отсиживались бы в пещерах, а разработали какие-то меры против грозящей опасности. Думается, что этот вариант отпадает.

— А может быть, они специально так? — подал голос Укен.

— Что — специально?

— Сидят в пещерах и ждут. А как только на планету опустится чужой звездолет, они хватят его — и с концами...

Космонавты рассмеялись.

— Укен, — спросил Азизов, — какова вероятность посадки на маленькую, затерянную на окраине Галактики планету чужих звездолетов? Сколько их наберется, скажем, за миллиард лет? И что же? Им сидеть ради этого ничтожного шанса в пещерах?!

Наступило молчание.

— Тогда, вероятно, кроме «Фотона» и нас, на Ренэ бывали и другие гости? Возможно, они и сейчас наблюдают за нами. Чем-то их привлекла к себе Ренэ.

Командир кивнул головой:

— Возможно. Однако, прежде чем подводить окончательную черту, давайте еще раз

исследуем внутренности «Фотона». Если экипаж погиб, то должны ведь остаться тела или, в крайнем случае, скелеты.

Азизов вновь перешел на ручное управление аппаратом.

Телеспутник подлетел вплотную к «Фотону», затем осторожно нырнул в него и пошел кружить по этажам. С бьющимися сердцами наблюдали космонавты за экраном.

Вот сейчас появятся на нем неподвижные тела, разорванные скафандры... Напряжение достигло предела. Телеспутник достиг верхнего этажа, выскользнул из «Фотона» и поднялся над плато. В звездолете не было никого.

— Значит...

— Значит, они стали пленниками?

— Чьими?

— Тех, других.

— Возможно, даже живы до сих пор?

Азизов нажатием клавиши выключил экран.

— Товарищи, на основании всего увиденного нам необходимо принять решение.

Он встал с кресла, походил некоторое время в задумчивости по залу и заговорил снова:

— Мы здесь находимся с единственной целью — разгадать тайну Ренэ. Перед нашим отлетом высказывались различные предположения о свойствах Ренэ. Наиболее вероятной причиной прекращения связи считались песчаные бури. Это и понятно. Никаких других особенностей на Ренэ не обнаружилось. Мы видели песчаную бурю. Мы будем наблюдать и изучать другие подобные бури. Но уже сейчас можно сделать важный вывод — на связь песчаные бури не влияют. Значит, у планеты есть другая тайна, следов которой мы еще не нащупали. Возможно, дальнейший поиск сопряжен с громадной опасностью. И мы сейчас должны вынести решение, как нам поступить — продолжать поиск или же возвращаться, Шахбоз вскочил с кресла, порываясь что-то сказать, но командир сделал предостерегающий жест:

— Я еще не закончил.

Он снова сделал несколько шагов по залу и продолжал:

— Подведем баланс: наши плюсы и минусы. Начнем с минусов. Наше полное незнание предмета поиска — раз, гибель «Фотона» и вездехода — два, странное состояние их останков — три, отсутствие экипажа — четыре. Наши плюсы: готовность к встрече с неожиданным — раз, усовершенствованное защитное поле — два, «Бургут» — три. Кроме того, как всем известно, если даже по каким-либо причинам «Бургут» не сумеет взлететь, то специальный электромагнитный блок все равно доставит его на «Алмаз». Это — четыре. Шансы вроде бы равны. А сейчас я хочу услышать ваше мнение. По традиции первым слушаем младшего. Давай, Укен.

Укен встал. Его обычно добродушное лицо было суровым.

— Сколько было хлопот перед отлетом сюда... И выходит, все напрасно? Ну, вернемся мы на Землю... А что скажем людям? Что причина вовсе не в песчаных бурях? Так об этом можно сообщить и по каналам связи. Корабль у нас хороший, мы... как будто тоже ничего... Не знаю... Мне, например, возвращаться стыдно...

Укен сел.

— Ты, Шахбоз?

Поднялся Муратов. Длинные, изогнутые, как у девушки, брови сошлись у переносицы. Вид точно у хищной птицы, рвущейся в бой. Горячие слова так и просятся на язык.

Но Муратов заговорил спокойно и рассудительно:

— Да, риск есть. И риск велик. Но ведь и Гагарин рисковал, когда впервые сделал виток

вокруг Земли. Почему же мы должны быть лишены права на риск? Теперь о том балансе, который вы подвели. Разрешите внести в него поправки. Во-первых, по уточненным данным, экипаж «Фотона» проявил беспечность при посадке на Ренэ. Они готовились к встрече только с песчаными бурями. Во-вторых, как известно, защитное поле «Фотона» было включено лишь после посадки корабля. А нужно было это сделать до того. В-третьих, экипаж «Фотона», совершив посадку на планету, лишил себя возможности отступить в опасный момент. Нами учтено и это, «Алмаз» остается на орбите. Итак, баланс в нашу пользу.

— Хорошо, Шахбоз. Садись.

Азизов подошел к своему креслу и опустился в него.

— Спасибо, друзья. Я не ошибся в вас.

Некоторое время он молчал, полузакрыв глаза. Потом заговорил глухо:

— Итак, нам следует проявить максимум осторожности и терпения. Порядок работы следующий. Сначала посадим «Бургут» на каменистое плато у пещеры. Без экипажа. Как известно, первые авторазведчики на поверхности Ренэ пробыли до момента прекращения сигнала около трех часов, «Фотон» восемь. Увеличим это время наполовину и будем считать его контрольным. Это составит двенадцать часов. Если за двенадцать часов с «Бургутом» ничего не произойдет, будем считать, что испытания прошли успешно, после чего следующий рейс «Бургут» совершит вместе с экипажем. Порядок работы остается прежним. «Бургут» садится на поверхность и двенадцать часов находится в неподвижности. Если за это время не случится ничего непредвиденного, блок получит разрешение на перемещение и первым делом попытается продвинуться к пещере, возле которой лежат остатки вездехода. Теперь о составе экипажа...

Космонавты подтянулись. Кого же предпочел командир?

— Обстоятельства таковы, что двое из нас должны находиться на борту «Бургута». Ибо, по всей вероятности, многое будет зависеть не от показания приборов, а от человеческих ощущений, от внимания, от визуального обзора, от умения сопоставлять и рассуждать. Работать придется в постоянном напряжении, а одному человеку это не под силу. Третий член экипажа остается на борту «Алмаза». Его задача — постоянный контроль за «Бургутом» и связь с ним, готовность в любой момент прийти на помощь, умение найти правильное решение. Ясно, что остающийся на борту «Алмаза» должен быть самым опытным из нас. К моему глубочайшему сожалению, таким космонавтом являюсь я.

При последних словах Азизова Шахбоз и Укен весело переглянулись, и Укен даже озорно подмигнул Шахбозу. ...Раздался щелчок тумблера. «Алмаз» заметно вздрогнул. Распахнулись створки его грузового отсека, и оттуда выплыл, слегка вращаясь, «Бургут», готовый к своей необычной работе.

* * *

Небо вокруг было такое же, как и везде на окраинах Галактики. Немигающие желтые звезды неярко светили из своих созвездий. Несколько звезд казались чуть крупнее. Одной из них было солнце.

Раскаленный диск Годво только что спрятался за горизонт. На каменистом плато наступила непроглядная фиолетовая ночь. Светящийся ореол всех оттенков фиолетового цвета окружил планету.

«Бургут» по-прежнему плавал рядом с «Алмазом». Вокруг него колдовали Шахбоз и Укен. Необходимо было осмотреть посадочный блок, наполнить его баки горючим, проверить систему шасси. Все это можно было проделать автоматически, не выходя из «Алмаза». Но Укен

и Шахбоз, уже несколько утомленные длительным пребыванием в комфортабельных салонах корабля, упросили Азизова разрешить им проделать все эти операции вручную. Сейчас, облаченные в легкие скафандры, они парили в невесомости вокруг «Бургута».

Наконец осмотр закончили. «Бургут» был в полном порядке. Космонавты вернулись на «Алмаз».

Азизов включил приборы инфракрасного видения и дал команду «Бургуту» на автоматическую посадку.

Медленно вращаясь, «Бургут» пошел вниз. Из его дюз вырывалось голубое пламя. На экране снова появилось каменистое плато, остатки «Фотона» и вездехода, пещера.

Метрах в двенадцати от намеченной пещеры была удобная ровная площадка. Космонавты решили посадить блок на нее. Заработали боковые дюзы «Бургута». Теперь он двигался над плато на воздушной подушке. Медленно блок подобрался к площадке и осторожно опустился на грунт. Изображение на экране слегка дрогнуло.

Космонавты переглянулись. Не подведет ли «Бургут»?

Ослепительно вспыхнули его голубые прожекторы, круговую освещая все подступы к блоку. Яркий сноп света ворвался в мрак пещеры. Можно было разглядеть шероховатость стен, выступы и разломы. Сразу за входным отверстием пещерный лаз круто поворачивал в сторону. Куда он ведет, можно было только гадать.

Космонавты посмотрели на часы.

— По часам звездолета, — подытожил командир, — сейчас восемь часов 15 минут. Значит, «Бургуту» оставаться на Ренэ двенадцать часов. А мы тем временем подкрепим силы. Но одновременно придется и нести вахту.

* * *

Трудно передать, с каким напряжением космонавты смотрели на экран, когда часовая стрелка приблизилась к четырем. Уже около восьми часов «Бургут» находился на поверхности Ренэ. Ровно столько, сколько пробыл на ней «Фотон».

Часы показали половину пятого, затем пять, шесть, семь. Связь с «Бургутом» не прекращалась. Все было в норме.

Ровно в восемь пятнадцать командир дал «Бургуту» команду на взлет. Испытания прошли успешно, но выглядел Азизов встревоженным.

— Неужели мы что-то просмотрели? — прошептал он.

— В чем дело, Олмос Азизович? — не удержался Укен. — Полный порядок, по-моему!

— В том-то и беда, что полный порядок, — отозвался Шахбоз.

— Да, — согласился с ним командир, — мы не приблизились к разгадке ни на шаг. По-прежнему неизвестно, с какой стороны ждать опасность и насколько готов к ней «Бургут».

— Олмос Азизович, а может быть, уже нет никакой опасности? Раньше что-то было, а сейчас нету. Ну, допустим, побывали здесь посланцы другой цивилизации, увезли с собой экипаж «Фотона» и оборудование звездолета, а теперь планета опять необитаема, как и миллионы лет до того.

— А не кажется вам, что это слишком странное совпадение: одновременное прибытие на Ренэ «Фотона» и других гостей?

— Но они могли попросту иметь тут свой сторожевой пост. А затем, приняв сигнал, прилететь сюда, — продолжал развивать свою мысль Укен.

— Всего за восемь часов? А в случаях с автоматическими станциями даже за три?

— И потом, какая-то слишком странная цивилизация: зачем бы им похищать с необитаемой

планеты экипаж другого мира и демонтировать чужой звездолет? — добавил Шахбоз. — Нет, тут что-то не то.

— Считаю необходимым исследовать пещеру, — твердо проговорил Азизов.

— А может быть, все-таки что-то произошло? Мы не заметили, а защита «Бургута» выдержала.

— Во всяком случае, «Бургут» доказал, что способен подолгу оставаться на поверхности.

— Надо садиться.

Азизов положил руки на плечи своих спутников.

— Надевайте скафандры. Готовьтесь к посадке.

— Есть!

* * *

Медленно кружась, «Бургут» во второй раз опустился на каменистое плато. Чтобы не рисковать понапрасну, космонавты посадили его на прежнее место у пещеры. Сразу же вышел на связь Азизов.

— С благополучным приземлением! Как самочувствие?

— Отличное!

— Осмотрелись? Что удалось установить?

— Особых новостей нет. «Бургут» находится в устойчивом положении. Под нами гладкая площадка без камней. Вообще-то таких мест здесь немного. По плато в беспорядке разбросаны огромные валуны, а вокруг них множество овальных камней поменьше. Сама поверхность плато производит странное впечатление — она вся покрыта небольшими лунками.

— Лунками?

— Да, диаметром примерно в пять-шесть сантиметров.

— Эти лунки образуют какой-нибудь рисунок?

— Нет, расположены бессистемно.

— И под «Бургутом» лунки тоже есть?

— Да, и превеликое множество.

— Ну, хорошо, а что пещера?

— Пещера представляет собой горизонтальный тоннель с очень неровными краями. По-видимому, образовалась в результате выветривания пласта легкой породы. Высота — три метра, ширина — семь. Мы ее просматриваем метра на четыре. На этих четырех метрах ничего интересного нет. Да, кстати, лунок перед входом в пещеру нет.

— Олмос Азизович! — послышался взволнованный голос Укена. — Я увидел! Увидел!

— Что ты увидел, Укен? — спросил Азизов, представив себе, как тот моргает сейчас левым глазом.

— У самой скалы лежит какая-то голубая штука!

— Это, кажется, панель с «Фотона», — заключил Шахбоз.

— Панель с «Фотона»? Как же она попала туда? Ведь сам «Фотон» далеко от скалы, верно?

— Да, 4 километра 560 метров.

— Может быть, на ней что-нибудь написано? Или нанесен какой-нибудь знак?

— Панель слегка присыпана грунтом. Отсюда не разобрать.

— Ребята, панель необходимо взять.

— Ясно, Олмос Азизович, — отозвался Шахбоз, — я мигом.

— Нет, Шахбоз, — ответил командир, — уже не получится.

— Что такое?

— Не хотел вам говорить, думал, пройдет мимо... В восточной пустыне недавно образовался гигантский смерч. Он мчится в вашу сторону, пройдет над вами через несколько минут. Приготовьтесь. Введи в действие присоски. Возможно, нас уже испытывают...

— Ничего страшного. Выдержим.

На экране замельтешил фиолетовый песок. Корпус «Бургута» слегка раскачивался. Раскачивался вместе с защитным полем. Ветер выл, как голодный волк. Телелокаторы не могли пробить бешеные струи песка. Фиолетовая туча клубилась над плато. Однако связь не прекращалась. Космонавты заверяли, что «Бургут» ведет себя выше всяких похвал.

Два часа продолжались сумасшедшие пляски ветра и песка. Наконец буря улеглась. На плато снова полились жаркие лучи Годво.

— Кажется, выдержали, Олмос Азизович, — с гордостью докладывал командиру Шахбоз. — Все системы корабля функционируют нормально.

— Хорошо. Что с панелью?

— Панель исчезла.

— Это неудивительно после такого вихря.

— Разрешите поискать.

— Ну, искать ее придется на площади в несколько тысяч квадратных километров.

— Но все-таки? Вдруг где-нибудь зацепилась? Один-то шанс из тысячи у нас есть.

— Что ж, придется отпустить тебя. Но только под защитой силового поля.

— Разумеется.

Азизов в кабине «Алмаза» уже встал, чтобы приготовить себе лимонный сок с минеральной водой, но в этот момент его остановил растерянный голос Шахбоза:

— Олмос Азизович, кто-то сложил вокруг «Бургута» камни...

— Не понял... — Он и в самом деле ничего не понял.

— Ну, эти овальные камешки... Они сейчас лежат вокруг корабля, как раз на границе силового поля.

— Раньше их не было?

— Кажется, нет...

— Кажется или не было?

— Мы поначалу не обратили внимания... А сейчас это очень хорошо заметно.

— А как лежат камни? Стеной? Или в один слой?

— В один слой, как будто кто-то хотел вымостить площадку вокруг корабля.

— И все это произошло во время бури?

— Похоже.

— Очевидно, именно буря принесла с собой камни, а наше силовое поле сложило их вокруг корабля?

— Я снова увидел ее! — ворвался в радиорубку ликующий голос Укена. Вот она лежит!

— Кто?

— Та голубая штука с «Фотона». Ее задуло в пещеру.

— Ты не ошибся, Укен?

— Он прав! — подтвердил и Шахбоз. — Панель задуло в пещеру. Правда, мы видим только один уголок, но сомнений быть не может — это она.

— Надо ее достать.

— Я достану, Олмос Азизович.

— Подведите «Бургут» как можно ближе к пещере. Необходимо, чтобы панель оказалась в зоне силовой защиты. Только после этого разрешаю выход из корабля.

— Ясно.

— Шахбоз, поручаю достать панель тебе. И не мешкай. Возьмешь панель и тут же возвращайся на корабль. А ты, Укен, все время будь на связи.

— Ясно.

«Бургут» опять вздрогнул. Это вышли из-под днища его шасси. Неторопливо корабль приблизился к пещере. Открыв люк, Шахбоз спрыгнул на грунт и вошел в пещеру.

И в тот момент, когда он скрылся в широком отверстии, на экране промелькнуло такое, чему Азизов отказался верить.

Собственно, в горе было несколько пещер. Космонавты заинтересовались именно этой лишь потому, что возле нее погиб вездеход с «Фотона». Это была самая крупная пещера. Другие казались поменьше. Возле одной из них лежал громадный валун, видимо, заброшенный сюда бурей. Этот валун скрывал от «Бургута» вход в соседнюю пещеру. Но Азизов при помощи телеспутника видел все.

С изумлением увидел он, как из этой пещеры выбралось на плато неведомое существо. У существа была квадратная голова и огромный горб на спине.

Передвигалось оно на двух конечностях. Кожа его была ядовито-желтого цвета.

Существо постояло у входа, затем, переваливаясь при ходьбе, обогнуло камень и приблизилось к «Бургуту».

Потрясенный Азизов закричал;

— Укен! Укен! Немедленно возвращай Шахбоза назад! Укен!

Ответа не было.

Шахбоз не появлялся из пещеры.

Желтое горбатое существо, все так же переваливаясь, подошло к «Бургуту» вплотную. «Что же с защитным полем?» — пронеслось у Азизова. Как замороженный, смотрел он на экран, чувствуя свою полную беспомощность.

Вдруг в «Бургуте» открылся люк. Его открыл сам Укен. Существо ввалилось в корабль. Прошло несколько томительных минут.

Шахбоз все не появлялся.

Люк «Бургута» снова открылся, появился загадочный обитатель планеты Ренэ, а за ним... Укен.

Существо по-прежнему переваливалось при ходьбе, Укен же прыгал из стороны в сторону, точно заяц.

Так они приблизились к пещере и вскоре скрылись в ней.

* * *

Кто мог предположить подобное?! Да что там предположить! Кто поверит в это?

Если он передаст подобное сообщение на Землю, там решат, что Азизов спятил. Известный космонавт и командир корабля Азизов от страха сошел с ума! На Земле хорошо известно, что планета Ренэ необитаема. Жизнь на ней невозможна!

В Космическом Центре с предельной серьезностью отнеслись бы к любому его сообщению о необыкновенных свойствах песчаных бурь, о грандиозных сотрясениях почвы, об извержениях вулканов, о потоках раскаленной лавы, о магнитных полях и радиоактивной пыли, но — такое!..

Да, сомнений быть не может: в Космическом Центре его сообщение о гибели экипажа и появлении живого существа на Ренэ, причем существа разумного, ибо оно сумело каким-то образом отключить защитное поле и повлиять на поступки Укена, примут за бред.

Первым его чувством было отчаяние, а первым желанием — стремление мчаться на помощь.

Но какую помощь мог оказать он своим товарищам? Опуститься на каменистое плато рядом с пещерой и тем самым увеличить число жертв? Ибо несомненно, что желтокожие ренэйцы завладеют тогда и «Алмазом», и его командиром.

Облучить пещеры? Но горные складки хорошо защищают подземные галереи от любого излучения.

Обстрелять горы? Но это значит заживо похоронить космонавтов, которые, может быть, еще будут долго жить. Будут жить... Где?

Шахбоз... Укен... Ребята... Где вы?

Шахбоз, такой суровый на вид и такой мягкий и уступчивый, когда речь идет о товарищах.

А Укен? Этот круглолицый добродушный метеоролог, которого он вытащил из лаборатории и которого погубил здесь! Стоило ли это делать?!

«Конечно, стоило, — возразил себе Азизов. — Укен был нужен на Ренэ. Во-первых, это он сделал самое точное заключение о песчаных бурях, в опасность которых мало верил я сам, но которым придавалось решающее значение на Земле. А во-вторых, только человек, непривычный к космическим путешествиям, обладающий свежестью восприятия, мог заметить нечто, имеющее отношение к загадке Ренэ...

Укен был таким человеком.

«Был!» — это слово хлестнуло командира по нервам.

Был!

Какое проклятое слово!

Оно вдруг заполнило собой весь корабль.

Как лев, загнанный в клетку, метался Азизов по просторному салону «Алмаза».

То он упрекал себя в беспечности и недальновидности, то поражался, вспоминая горбатое существо, то с жадностью всматривался в экран, надеясь, что вот-вот из пещеры выйдут Шахбоз и Укен...

Он расслабился на какое-то мгновенье, пришел в отчаянье, как и всякий смертный... Но он был командиром, а командирский долг повелевал действовать. Еще предстояла борьба. Напряжение спало. Надо было все взвесить спокойно, трезво, расчетливо.

Что делать в ближайшем будущем, Азизов знал. Он будет вращаться вместе с планетой, будет вести неусыпное наблюдение за пещерой. С помощью восстановительной камеры можно сохранить длительную работоспособность без сна.

Надо раздобыть веские доказательства существования на Ренэ горбунов с квадратными головами. Надо, чтобы на Земле поверили в них. Надо доказать, что тайна Ренэ запрятана глубже, чем предполагалось.

Немедленно надо составить донесение для Космического Центра.

Так думал он в ту минуту, когда больше всего на свете ему хотелось посадить «Алмаз» на плато и броситься в пещеру на поиск своих спутников.

Азизов не страшился грозящей опасности. Его останавливал долг перед Землей.

Знания давались людям нелегко. За них нередко приходилось расплачиваться жизнями людей. Может быть, так будет не всегда... Но пока...

* * *

Из пещеры вышли двое: Шахбоз и обитатель Ренэ. Они подошли к «Бургуту» и вдруг полезли под его днище. Через минуту Шахбоз забрался в «Бургут» и вытащил из него инструменты. С ними опять полез под посадочный блок.

Наконец после довольно долгого пребывания внизу Шахбоз и абориген выбрались наружу. Через открытый люк они зашли внутрь корабля, люк захлопнулся. «Бургут» дрогнул и, медленно вращаясь, начал подниматься над поверхностью.

И вновь, как зачарованный, смотрел Азизов на происходящее. Когда надежда на успех экспедиции была уже почти потеряна, вдруг появился и Шахбоз, и таинственный житель Ренэ. Более того, «Бургут» несет их к «Алмазу». И Укен наверняка жив-здоров — в это Азизов уверовал сразу, как только увидел Шахбоза.

Неужели тайна Ренэ разгадана?..

«Бургут» остановился метрах в ста от звездолета. Азизов опять встревожился. Что случилось?

Распахнулся люк. Шахбоз вышел в космос. Но что он делает? В руке у него фонарик, и он то включает его, то выключает.

Азизов мгновенно понял — сигнализирует. У них на «Бургуте» что-то случилось с радиосвязью, и Шахбоз догадался прибегнуть к помощи азбуки Морзе.

«Бургут» заражен, не приближайтесь к нему, приготовьте дезинфекционные камеры и два комплекта стерильной одежды», — просигналил он.

Гася и включая свет в салоне, командир ответил: «Вас понял, через минуту все будет готово». — «Отправляйте блок обратно на Ренэ», просигналил Шахбоз.

Тем временем и второй пассажир «Бургута» выбрался в космос. Сейчас на них падали огромные черные тени звездолета, и рассмотреть аборигена Азизову никак не удавалось. Путники подлетели к шлюз-камере.

Азизов нажал на клавишу. Распахнулись створки шлюз-камеры, пропустив в звездолет Шахбоза и его спутника.

Дезинфекция обычно длилась около десяти минут. О чем только не передумал Азизов за эти долгие десять минут, каких только картин не нарисовало его воображение! Вот сейчас он увидит жителя подземных пещер Ренэ. Неужели Шахбозу и Укену удалось установить с ними контакт?

Погасли красные лампочки на пульте. Период дезинфекции закончен. Распахнулись внутренние створки шлюз-камеры.

По коридору зазвучали шаги.

Азизов умышленно выключил все телеустановки. Он не хотел смотреть на экран. Он должен увидеть все своими глазами.

Вот шаги уже рядом.

Азизов поднялся навстречу.

Два человека вошли в зал.

Командир ожидал чего угодно, но не этого.

В салон вошли Шахбоз и Пит Старк, командир «Фотона».

* * *

— Не правда ли, мы преподнесли вам сюрприз? — проговорил Старк, пожимая Азизову руку.

— Пит, дружище, ты? — только и мог вымолвить командир «Алмаза».

В общем-то, они не были большими друзьями, хотя, конечно, хорошо знали друг друга. Но сейчас не было для Азизова более дорогого и близкого человека, чем Пит Старк. Он даже про Шахбоза забыл.

Пита Азизов видел последний раз на Крайней — Старк готовился тогда к полету на Ренэ, а

Азизов испытывал звездолет «Титан».

Тогда Старк был розовощеким мускулистым здоровячком, только-только вступившим в свой шестой десяток. А сейчас в салоне стоял седой худощавый старик. Пришлось ему, наверное, хлебнуть горя за это время. Но все же держится бодро, улыбается.

— Олмос Азизович, — напомнил о себе Шахбоз, — надо подготовить стерильную одежду, а также освободить несколько помещений. Через некоторое время «Бургут» доставит сюда Укена и весь экипаж «Фотона».

— Не весь, — помрачнел Старк, — четверых мы похоронили здесь.

— Четверых! — ответил Азизов. — Да мы всех давно похоронили!

— Значит, долго жить будем, — отшутился Старк и спросил чуть тише: И на Земле тоже нас похоронили?

— Нет! На Земле вас ждут. — Азизов знал о привязанности Старка к семье и ответил как можно решительнее.

У Старка промелькнула благодарная улыбка.

А Азизов уже забрасывал его вопросами:

— Но как вы спаслись? Что случилось с «Фотоном»? Вы разгадали тайну Ренэ? А о том, что твое последнее сообщение было принято на Земле только наполовину, ты знаешь? «Ни в коем случае не садитесь на Ренэ, не изучив...» И все...

— Да, Шахбоз мне говорил.

Азизов повернулся к Муратову:

— А что с «Бургутом»? Да рассказывайте же наконец!

— Олмос Азизович, я все объясню, но, чтобы соблюдалась последовательность, начать, наверное, следует не мне.

— Ты спрашиваешь, разгадана ли тайна Ренэ? — переспросил Старк. — Ну, что же, слушай нашу одиссею и решай сам, в какой степени мы разгадали ее.

Тут он увидел на столике лимонный сок и минеральную воду.

— Сто лет не пил лимонного сока.

Смешав в бокале напитки, он с удовольствием выпил коктейль.

— Самую большую ошибку мы допустили, когда приняли решение посадить «Фотон» на Ренэ. Но у нас не было особых причин опасаться. Планета на сто процентов выглядела безжизненной и необитаемой. Песчаные бури нас не очень-то пугали. Повредить «Фотону» они не могли. Итак, мы сели на плато и сразу же приступили к исследованиям. Что произошло в последующие восемь часов, и ты, и в Космическом Центре прекрасно знают. Мы спустили вездеход и направили его к пещере, чтобы осмотреть ее — чистая формальность. В это время остальные члены экипажа занялись проверкой и осмотром систем корабля.

Наш механик Адам залез под самое днище корабля, чтобы проверить систему стабилизации. И там он увидел такое... Все днище «Фотона» покрывали маленькие овальные камушки.

— Как это — покрывали?

— Так же, как улитки покрывают понравившийся им лист.

— Ты хочешь сказать, что камни присосались к днищу?

— Этого мало. Камни по шасси добрались до корпуса и уже потом присосались к днищу.

— Но ведь это, Пит... Ведь это — жизнь?!

— Да, Олмос. Это можно назвать неорганической жизнью. Представляю, сколько именитых мужей набросятся на нас с кулаками за эту новость. Но давай об этом поговорим позже. А сейчас разреши мне закончить рассказ.

Итак, Адам увидел множество камней под днищем. Но главное заключалось в другом. Эти камни с удивительной жадностью пожирали металл. Правда, «пожирали» не совсем точное

слово. Они каким-то образом разлагали металл на элементарные частицы, поглощая при этом всю выделяющуюся энергию. Этот факт мы установили уже позднее.

— Невероятно!

— Они совершенно не интересовались неметаллическими деталями. Их привлекал только металл. Адам — парень проворный. Он тут же примчался ко мне и все выложил. Как раз в это время у меня пропала связь с вездеходом. Я слушал Адама, вспоминая погибшие автоматические станции, и вдруг как-то интуитивно почувствовал причину опасности. Немедленно выйдя на связь с Землей, я прокричал изо всех сил: «Ни в коем случае не совершайте больше посадок на Ренэ, не изучив природы овалных камней».

Однако не успел я закончить фразы, как в салоне погас свет. Значит, камни уже добрались до энергоблока. Всего лишь восемь часов понадобилось им, чтобы прогрызть брюхо корабля и добраться до его сердца. Как часто я укорял себя впоследствии, что в ту роковую минуту не мог выразиться кратко. Стоило мне крикнуть: «Бойтесь камней!» — и на Земле поняли бы меня. Но что поделаешь?! В минуту волнения зачастую поступаешь вопреки логике. Я знал, что последние мои слова не дошли до вас. Это и угнетало меня. Итак, после того как погас свет, мы все ринулись вниз, вооружившись кто чем мог. Увы! Опять мы действовали в спешке. Мы принялись очищать поверхность корабля от налипших камней, позабыв, что в наших скафандрах есть металлические части. Так мы сразу же потеряли двух своих товарищей.

— А камни вам удалось счистить?

— Не больше десяти процентов. У всех начала чесаться кожа. Потом на ней выступили красные пятна. Видишь?

— Вы установили причину их появления?

— Это ожоги. Итак, мы почти бесполезно воевали с камнями, а они тем временем сожрали корабль почти на треть. Мы поняли, что, если не примем срочных мер, овалы камни не остановятся до тех пор, пока не сожрут весь наш металл, в том числе и на скафандрах.

Это были трудные минуты. Два наших товарища уже лежали мертвыми среди камней-пожирателей.

Надо было срочно создать внутри корабля хотя бы одно герметически закрытое помещение, не имеющее в обшивке ни грамма металла. Вы знаете, что «Фотон» был разделен на секции пластиковыми перегородками. Но ведь все кабинеты, каюты, проходы, камеры и лаборатории группировались вокруг вертикального ствола, сделанного из металла. Кроме того, вся внешняя обшивка «Фотона» также была металлической.

Без споров мы решили заняться нашей гостиной. Это было самое объемное помещение на корабле. Мы разделились. Половина людей сдирала обшивку со стен других помещений, таскала листы пластика в гостиную и, прикладывая их друг к другу, заливала швы универсальным клеем. На всякий случай мы решили положить на стены гостиной три слоя такого покрытия. Кроме того, для полной безопасности пришлось оборвать все каналы энергии, связи и управления, стекающие сюда. Мы установили на панели несколько аккумуляторных батарей, и они кое-как освещали коридоры гибнущего «Фотона».

Другая половина экипажа занималась тем, что тащила в гостиную все, что могло нам пригодиться впоследствии.

Прежде всего перенесли продукты, весь запас кислорода, научные приборы, аккумуляторы, книги. Особенно много хлопот доставили продукты. Провизия хранилась у нас на третьем этаже, а гостиная расположена на шестом. Роботы уже не работали, транспортеры бездействовали... На ходу оставался один-единственный автоматический погрузчик. Погрузчик перевозил контейнеры потяжелее, а все прочее наши ребята перенесли на собственных руках. Вот тогда я порадовался, что всегда требовал от них хорошей физической подготовки.

Мы собрали едва лишь половину того, что намечали, когда по коридорам «Фотона» стало опасно ходить. Повсюду зияли дыры. Овальные камни, которые мы тут же окрестили «улитками», медленно ползли по стенам, потолкам и переходам, оставляя за собой пустоту. Корабль несколько раз наклонялся и вздрагивал. Мы догадались, что он оседает, лишенный надежного металлического основания.

Еще две-три ходки — и мы забаррикадировались в гостиной, не зная, чего нам ожидать в ближайшее время. Быть может, поглотив металл, «улитки» примутся за все прочее?

Но от такого ожидания можно сойти с ума. Надо чем-то заниматься, что-то делать, чтобы не оставалось места отчаянию.

Мы начали с ревизии принесенных вещей. С кислородом и продуктами дело обстояло неплохо: запаса хватало года на два-три. Гораздо хуже мы были обеспечены техническими средствами. Автоматический погрузчик, пара лазерных автоматов, несколько сотен аккумуляторов — вот и весь арсенал. А главное — у нас не было средств для точечной связи с Землей. Единственное, чем мы располагали в этом смысле, — радиосвязь. Мы отправили сообщение, Старк невесело улыбнулся, — оно, видимо, все еще идет к Земле.

Азизов кивнул.

— Правда, у нас были другие приборы, и мы надеялись со временем скомбинировать из них что-нибудь стоящее. Как говорит старая пословица: «Голь на выдумки хитра».

Отсиживались мы в своем убежище около семидесяти часов. Первые сорок часов «Фотон» продолжал оседать, из чего мы заключили, что поедание продолжается. Наконец наступил относительный покой. По-видимому, «пиршество» «улиток» окончилось. Нас не трогали. Никто не буравил легких стен нашей призрачной крепости. Нужно было самим отважиться на вылазку. И мы отважились.

Но прежде крепко намучились со скафандрами. Необходимо было заменить в них все металлические детали. На первый взгляд занятие довольно простое. Но когда приступили к нему вплотную, то ахнули, каким огромным количеством металлических деталей начинен скафандр. Особенно много возни было с гермошлемом. Наконец нашли простой выход, взяли несколько пластмассовых коробок из-под крупы, врезали в них стекло — и готово. А вообще, скажу откровенно, наши ребята проявили настоящие чудеса смекалки, прежде чем скафандры стали пригодными для выхода на поверхность Ренэ. Для верности мы их обмазали изоляционным лаком — ярко-желтым и довольно скверно пахнущим.

— А я принял вас за местных чудищ, — признался Азизов.

— Рано или поздно ты бы, Олмос, разобрался. Успокоился бы, все взвесил и понял, кто на самом деле эти желтые горбуны.

— Я обязан был узнать сразу, — огорченно ответил Азизов.

— Ну! — успокоил его Старк. — Если бы мы узнавали все сразу, то в космос и летать-то стало бы неинтересно. Итак, на четвертые сутки пребывания на планете пятеро космонавтов из нашего экипажа вышли из гостиной. Среди них был и я. Неутешительное зрелище предстало перед нашими глазами. Голый остов обглоданного корабля, у пещеры такой же обглоданный вездеход и безмятежные «улитки», возлежащие на плато. Оставаться в «Фотоне» дольше было опасно. Сильные бури могли перевернуть нашу клетку и тем самым разом покончить с нами. Надо было искать убежище понадежнее. Мы сразу же обратили внимание на пещеры.

На второй день после выхода из гостиной добрались до пещер. Как они образовались, мы и понятия не имели, но, к нашему счастью, «улиток» здесь не было совсем. Как мы заметили позднее, они вообще избегают тени.

С пещерами нам почти сразу же повезло. Отыскали огромный подземный зал, имеющий несколько выходов на плато. Потом начали перетаскивать туда все уцелевшее с «Фотона».

Неметаллы удалось перенести в довольно спокойной обстановке, если не считать того, что до пещеры от «Фотона» напрямую было около пяти километров, груза несколько сот тонн, а нас семнадцать человек, одетых в неуклюжие скафандры. Вот это была эпопея! Но что началось, когда мы взялись за металл! Нечего и говорить, что автоматический погрузчик мы потеряли сразу же. «Улитки» сожрали его за три часа полностью. А когда таскали в пещеру банки, приборы и аккумуляторы, нас самих едва не сожрали, несмотря на то, что для «улиток» мы совершенно несъедобны. Мы делали так: пятеро несли поклажу, а остальные отбивались от «улиток». К тому времени мы уже кое-чему научились.

Перетаскивание у нас заняло не одну неделю.

— А потом? Ведь у вас еще оставалось столько времени до нашего прилета.

— О, нам и тут не приходилось скучать. Четверо наших работали над устройством точечной связи. Мы еще не потеряли надежды связаться с Землей. Остальные изучали Ренэ. Песчаные бури, «улиток», Годво. Кроме того, мы ждали. Мы ждали, не появится ли на ночном небе маленькая движущаяся звездочка. Мы установили ночные дежурства и каждую ночь обшаривали небольшим телескопом небо. Скажу откровенно, нас поддерживала только вера в эту звездочку.

Мы вели вахтенные журналы. Там записано немало интересного. Не знаю, как получилось, но мы прозевали ваш прилет. Может быть, потому, что не ожидали его так быстро. Прозевали мы и первую посадку «Бургута».

— Извини, Пит, я тебя перебыю. Почему «Бургут» в первый раз не подвергся нападению «улиток»?

— Чистая случайность. «Бургут» сел на площадку, на которой первоначально не было «улиток». Когда же те почуяли металл и двинулись к кораблю, то наткнулись на силовое поле. Во время же второй посадки «Бургут» тронулся к пещере и поневоле проехал по «улиткам», они оказались внутри силового поля. И тут-то камни немедленно набросились на блок. К счастью, их оказалось немного, и они не успели существенно повредить «Бургут». Но обшивку местами испортили. Мы с Шахбозом залатали прорехи, однако вводить «Бургут» в соприкосновение с «Алмазом» не рекомендуем.

Итак, я остановился на том, что первую посадку «Бургута» мы проморгали. Но вторую засекали почти сразу. Дальше рассказывай ты, Шахбоз.

— Мы подъехали к пещере, и я пошел за панелью, — начал Шахбоз. Поднял панель, сделал из любопытства еще несколько шагов и заглянул за поворот подземного хода. Я увидел освещенную галерею, уставленную панелями с «Фотона» и деталями оборудования. Галерея вела в обширный зал, посередине которого высилось некое подобие дома без окон, с единственной дверью. Я стоял и смотрел на этот дом, как вдруг в моих наушниках раздался голос: «Друг! С тобой говорит капитан «Фотона» Старк. Подойди к домику и войди в него».

— Да, — подтвердил Старк. — Мы хотели, чтобы Шахбоз зашел в наше герметизированное помещение сам и увидел нас без скафандров. Ибо, чего доброго, и он принял бы нас за каких-нибудь подземных обитателей.

Что касается Укена, то с ним нам тоже удалось связаться по радиации. Передатчик у нас слабенький, радиус уверенного приема до километра, так что на «Алмазе» нас не было слышно.

Мы сообщили Укену о себе. Укен удивился, обрадовался, спросил, у нас ли Шахбоз. И буквально тут же связь оборвалась. Мы поняли, что «улитки» добрались уже и до «Бургута». Следовало спешить. Надо было немедленно объяснить Укену опасность хотя бы прикосновения к «улиткам». «Бургут» стоял уже лишенный связи, со всех сторон к нему медленно стекались «улитки». Адам — а это был он — подошел к кораблю. Укен открыл люк, Адаму пришлось забраться в блок и там давать пояснения Укену.

Тем временем мы настроили прибор, который успели сконструировать специально для борьбы с «улитками». Есть у них слабое место — очень чувствительны к электрическим разрядам, действующим на определенные точки их тел.

Потом небольшая возня под днищем «Бургута» — и вот наконец посадочный блок в полной безопасности, а вместе с ним и мы.

— Олмос Азизович, — проговорил Шахбоз, — «Бургут» стартует с Ренэ. Через полчаса нас на «Алмазе» будет уже шестеро.

— Хорошо, Шахбоз. Проследи за полетом.

Сам же он взял Старка за руку, и они отошли в сторону от пульта.

— Пит, что представляют собой эти камни, эти «улитки»?

— Видишь ли, Олмос, у нас было слишком мало возможностей для их исследования. Кое-что мы, конечно, сделали, но этого слишком мало, чтобы делать окончательный вывод.

— Ну а предварительные соображения?

— Предварительные соображения... «Улитки» умеют передвигаться. Они поглощают энергию своей звезды. Каким-то образом разлагают металл. Они даже сообразительны. Здесь ведь часты песчаные бури. Вот «улитки» и пробуравили для себя по всему плато луночки и при приближении урагана опускают в них свои присоски.

— Ты говоришь о них как о живых существах?

— Вероятно, так оно и есть. Мы, люди, привыкли мыслить в определенном диапазоне. Повсюду в космосе мы ищем органическую жизнь. Наша самая большая мечта — отыскать обитаемую планету, жители которой дышат кислородом, делятся на мужчин и женщин, и вообще похожи на нас как две капли воды. Но почему не предположить, что есть и другая жизнь?

— Иными словами, тайна Ренэ так и не разгадана?

— Нет.

— Но разгадать ее нужно.

Старк огляделся.

— Просторно у вас тут. Так я, пожалуй, больных отправлю, а сам останусь на «Алмазе». Да и из ребят кое-кто, думаю, захочет остаться.

Азизов радостно заулыбался:

— Я не против.

Он подошел к пульта.

— Шахбоз, у нас на борту гости. Должны же мы проявить гостеприимство.

— Обязательно проявим. Жаль только, что Укен немного задержался. Он большой мастер по этой части.

— А мы его подождем. Наши гости никуда не спешат. Да и мы не завершили дела, ради которого прилетели сюда. Так ведь, Старк?

Старк склонил голову в знак согласия.

II. К «ЧЕРНОЙ ДЫРЕ»

О «черных дырах» достоверно известно лишь то, что о них достоверно ничего не известно.

Из выступления на астрономическом конгрессе

Теперь, когда дело было сделано, он наконец-то мог хорошенько отдохнуть. Правда, спать Азизов не собирался. Не верилось, что после такого нервного напряжения сумеет быстро

заснуть. Он решил просто полежать в своей каюте и неторопливо поразмыслить о событиях сегодняшнего дня. Однако неожиданно для самого себя уснул и проспал шесть часов как младенец — без сновидений.

Его никто не беспокоил. Видимо, спасенный экипаж «Фотона» спал еще крепче, впервые за два года оказавшись в абсолютной безопасности.

Азизов открыл глаза, потянулся, сел на пружинящей постели. В груди разливалась приятная истома. Азизов был горд, счастлив и растроган. До чего же это здорово, что в соседних каютах сейчас ворочаются с боку на бок, храпят, посвистывают во сне спасенные тобою товарищи!

Расслабленный Азизов вышел в коридор, выглянул в широкий иллюминатор. Внизу величественно проплывал оранжево-красный диск Ренэ. Так-так. Неужели на планете и вправду обнаружена неорганическая жизнь? Или же это всего-навсего какие-то особенные физико-химические реакции? С завтрашнего дня они приступят к детальным исследованиям. А сегодня полный отдых. Покой и тишина. И ни слова о Ренэ, о Годво, о космосе. Физические возможности человека в отличие от воображения не беспредельны. Насвистывая веселую песенку, он прошел к центральному пульту. Сейчас вахту нес Шахбоз Муратов. Зная, что нынешнее дежурство не более чем формальность, Азизов приблизился к Шахбозу и уже хотел дружески похлопать пилота по плечу, когда тот обернулся. Выражение лица дежурного было тревожным, и это сразу же передалось Азизову.

— Что случилось? — негромко спросил он, делая резкое движение плечами, как бы стряхивая с себя остатки сна.

— Срочная космограмма, командир. Только что принял, — ответил Шахбоз.

Азизов взял пластину космограммы. То, что он прочитал, бесконечно удивило его.

«Борт «Алмаза», Азизову.

Немедленно готовьтесь к отлету. Старт — сразу же после получения дополнительного указания.

Земля, Центральное управление космонавигации, Бородкин».

Азизов задумался. Вот те раз! Удружил Валентин Денисович, ничего не скажешь! Но что все это значит? Ведь у них уже был план, четкий и конкретный. Через два месяца ожидалось прибытие второго корабля с Земли. А тем временем они — экипаж Азизова и команда Пита Старка — собирались заняться исследованиями на Ренэ... И потом, что значит «готовьтесь к отлету»? Земле прекрасно известно, что на «Алмазе» только 15 экспресс-камер, а космонавтов с учетом спасенных — 17... Нет, возвращение на Землю без второго корабля невозможно. А плоды упорных трудов Пита и его товарищей? Взять и бросить на произвол судьбы? А наконец, загадка черных камней-«улиток»?

Азизов по давней привычке помассировал подбородок. Человек в высшей степени дисциплинированный, обладающий повышенным чувством ответственности, он, получив нелогичный приказ, всегда настаивал на необходимых разъяснениях. Правда, подобные приказы приходили редко.

— Может быть, наше донесение исказилось? — с тайной надеждой спросил он Шахбоза. — На Земле что-то неправильно поняли и, в свою очередь, проявили ненужную осторожность?..

— Исключено! — с уверенностью произнес пилот. — Вот подтверждение о приеме.

Азизов вздохнул.

— Придется еще раз выходить на связь. Черт побери, сколько энергии попусту выбрасываем на ветер! Ладно, готовь аппарат.

Космограмму он постарался составить как можно лаконичнее, памятуя, что каждое лишнее

слово, переданное на Землю, — это энергия, запасы которой на «Алмазе» были отнюдь не безграничны.

*«Земля, Центр, Бородкину.
Стартовать не смогу. Жду второй корабль. До его прилета — изучение
Ренэ. Перспективно.*

Азизов».

Отправив ответ, он несколько поостыл и вновь задумался. Нет, не могла Земля без особых на то причин дать такое распоряжение. Азизов хорошо знал Бородкина. Перестраховщиком того не назовешь. И в то же время... «Алмаз» прекрасный корабль, в отличном состоянии. Второй звездолет будет на Ренэ через каких-нибудь два месяца... Ничтожный срок по космическим масштабам. Что может произойти за это время?

— Может, что-нибудь со вторым звездолетом? — как бы прочитав мысли командира, предположил Шахбоз.

— При чем здесь звездолет? — взмахнул рукой Азизов.

— А что же тогда?

— Хотел бы я знать!

Послышался характерный сигнал, опять заработало приемное устройство связи. Поступило новое сообщение от Бородкина.

Азизов прочитал:

«Вам надлежит увести «Алмаз» из зоны притяжения Ренэ. В точке с координатами... — далее следовал ряд символов и цифр, — ждите встречи с «Бураном». После встречи и перераспределения экипажа незамедлительно стартовать к Земле или к любой другой обитаемой планете. Подробности позднее».

Азизов сел в кресло-качалку и, качаясь, просидел в нем молча четверть часа.

— Шахбоз! — сказал он наконец, глядя на юношу уставшими глазами. Прошу, пока никому ни слова. И позови, пожалуйста, Пита. Нужно посоветоваться.

* * *

Впервые за последние два года Пит Старк — командир уничтоженного «улитками» космического корабля «Фотон» — позволил себе расслабиться. Он увидел сон, который так хотел и так боялся увидеть раньше. Возвращение со звезд. Возвращение на Землю. Космопорт, залитый солнечными лучами, море людей и цветов. Но и радостные человеческие лица, и яркие краски были словно подернуты туманом. Явственно виделась лишь Лена с детьми. Жена ничуть не изменилась за эти годы, и ему даже сделалось чуть-чуть обидно.

Он крепко поцеловал ее пахнущие мятой губы, тут же бросился к детям сыну Артуру и дочери Алисе. Боже мой! Как они выросли! Только сейчас, прижимая к груди головы детей и целуя их, он по-настоящему понял, что такое два года. ...Вдруг новое видение. Будто бы прошло уже несколько дней после его возвращения на Землю. Он, все еще не привыкший к жене и детям, едет с ними в открытом автомобиле по пустынной горной дороге, усеянной черными овальными камнями.

Внезапно шофер резко просигналил.

— Зачем? — спросил его Пит. — Ведь на дороге никого нет.

Шофер странно улыбнулся и проговорил:

— Впереди опасность, большая опасность.

И снова нажал на сигнал.

Пит проснулся и несколько секунд лежал не шевелясь, с открытыми глазами, прежде чем понял, что работает сигнал вызова. Он резко поднялся, с сожалением ощущая, как растворяется сладкое очарование только что виденного сна, и открыл дверь каюты.

На пороге стоял Шахбоз.

— Чего тебе, парень? — спросил Пит.

— Извините, командор. Олмос Азизович просил вас срочно подняться в радиорубку. Хочет переговорить по важному делу.

— Хорошо. — Пит по-спортивному быстро натянул теплый свитер — любимую свою одежду, взъерошил пятерней короткие волосы и вышел в коридор. Отдельные эпизоды сна все еще мелькали в его сознании, и он не собирался окончательно гнать их от себя.

Азизов стоял возле экрана ретранслятора задумавшись. Нервные, сильные пальцы рук были крепко сцеплены за спиной. Обернувшись на звук шагов, он кивнул Питу и указал на кресло:

— Извини, старина, что не дал отдохнуть.

— Пустяки...

— И еще за то, что пришлось вытащить тебя в рубку. Но понимаешь, в любую секунду может поступить экстренное сообщение...

Серьезный тон командира корабля окончательно пробудил Пита.

— Я думаю, ты меня позвал не для того, чтобы извиняться.

— Нет. — И Азизов рассказал другу о последних сообщениях с Земли.

Пит был опытным гиперлучевиком. В сложных ситуациях он, как утверждали многие его коллеги, сохранял не только спокойствие и выдержку, но и природное чувство юмора.

— Знаешь, Олмос, в Центре работают далеко не всезнайки, — пробурчал он с таким невозмутимым видом, что Азизов не мог сдержать улыбку. — У меня, как ты знаешь, нет причин, чтобы не желать быстрее свидания с Землей, однако... черт возьми! Давай же будем рассуждать логически.

— Давай, — согласился Олмос. — Именно для этого я и попросил тебя зайти.

— Когда «Буран» будет в зоне Ренэ?

— Через два месяца, ты же знаешь.

— Если мы покинем гравитационное поле Ренэ и будем болтаться в открытом космосе, «Буран» ведь от этого раньше не прилетит, верно?

— Абсолютно.

— С другой стороны — сами, без «Бурана», мы до Земли не доберемся. Нас 17 человек, а экспресс-переходных камер только 15. Хочешь не хочешь, а ждать «Буран» придется. Согласен?

— До сих пор все было логично.

— Теперь слушай дальше. Бездельничать два месяца в открытом космосе это же с ума можно сойти от скуки. Это же дикий ужас! Почему бы нам не подождать «Буран» на Ренэ? Проведем несколько интересных экспериментов, задумка у меня есть. Глядишь, и время пройдет незаметно, и польза кое-какая будет.

— По-твоему, я и сам не мог до этого додуматься?

— Так в чем же дело?

— Логика логикой, Пит, а приказ есть приказ.

— Но если приказ противоречит логике? — усмехнулся Пит.

— Мы не можем так утверждать, поскольку не знаем исходных данных.

— Но «Буран», как ни крути, придет только через два месяца, а гравитационное поле Ренэ мы в состоянии покинуть за два-три часа! воскликнул Пит. Человек сдержанный, он иногда проявлял юношескую горячность. Похоже, и сейчас он порядком взвинтил свои нервы. — Не знаю, как ты считаешь, а по-моему, это чистейшей воды бюрократизм! Кто-то в Центре решил перестраховаться на всякий случай. Как бы чего не вышло! Неожиданно он плюнул на пол.

— Успокойся, Пит, — попросил его Азизов. — Их можно понять. Они беспокоятся за наши жизни.

— А я тебе говорю, что никакой опасности нет! Да, «улитки» сожрали мой корабль! Но это была встреча с неведомым. А теперь для нас «улитки» не опаснее, чем какой-нибудь мышонок. Два года я жил на Ренэ, два года! Согласен еще на два месяца! Но только на Ренэ! Ждать «Буран» на орбите не хочу! Уверен, мои ребята тоже не согласятся. А нас большинство!

— Ну, что ж... — начал Азизов.

Договорить он не успел. Раздался мелодичный гудок, заработала система связи.

Третье по счету за сегодняшний день сообщение с Земли объясняло все.

«Ренэ, борт корабля «Алмаз», Азизову, Старку.

По подтвержденным данным Главного вычислительного информцентра, планетная система Годво, в которую входит планета Ренэ, некоторое время назад попала под влияние сильной гравитационной массы в секторе звезды Лебедь-Х-3, изменила направление своего движения и сейчас движется в сторону звезды со значительным ускорением. По комплексным данным информатора, вся система через 300 лет должна достичь области гравитационной массы. Учитывая ряд факторов, предполагаем, что в секторе звезды Лебедь-Х-3 существует «черная дыра».

Вам надлежит немедленно по получении этого сообщения прекратить все работы, покинуть поле тяготения Годво и выйти в условленную точку пространства для встречи с «Бураном».

Центр космических полетов, Бородкин».

— Фьюить! — только и присвистнул Пит Старк.

— Вот это сюрприз! Точно такой же, когда вы вошли в «Алмаз», озабоченно произнес Азизов и тут же поправил себя: — Я имею в виду неожиданность... — Его пальцы, барабанящие по столу, выдавали нервное возбуждение. И правда, новость ошеломила его. Он не знал, с какой стороны начать ее обсуждение.

— В общем, дьявольщина! — громыхнул кулаком по столу Пит. Затем внезапно выпрямился в кресле, на лице появилось растерянное выражение. Олмос, — тихо проговорил он, — значит, все эти «улитки», вся эта неорганическая жизнь погибнет? Так?

— Погибнет или исчезнет — разница небольшая...

— Но как же... — Пит неловко развел руками. — Ведь это уникальная, может быть, редчайшая форма жизни...

— Ты думаешь, я не понимаю! — Азизов проникновенно посмотрел на Пита. — Но изменить движение планетной системы в космосе нам пока не под силу... Так что будем выполнять приказ — готовиться к отлету...

Он подошел к видеоэкрану и остановился, сосредоточенно о чем-то размышляя.

— Послушай, Олмос, — жалостливым тоном заговорил Пит, — а может, прихватим с собой несколько дюжин этих «улиток», а? Расселим их на каком-нибудь астероиде — пусть живут, а?

— Может быть, может быть... — рассеянно отвечал Азизов.

— За безопасность полета можешь не волноваться. Мы сунем их в пластиковый ящик, а его окружим двойным магнитным полем. Олмос... Олмос! Что ты там бормочешь?

Азизов и в самом деле прошептал несколько слов, из которых можно было только разобрать «...черная дыра».

Тут он быстро повернулся к Питу, в глазах блеснули веселые огоньки.

— Пит! Дружище! Есть идея! — воскликнул он — Ну?!

— Рейс «Бурана» нужно отменить.

— Ничего себе идея!

— Ты слушай, слушай! Возражать будешь потом. Итак, рейс «Бурана» отменить. «Алмаз» возвращается на Землю с 14 или 15 членами экипажа. Двое или трое остаются на Ренэ, определяют места наибольшего скопления «улиток»...

Пит не дал ему договорить, вскочил с кресла:

— Начинаю понимать! А Земля тем временем подготовит несколько кораблей, приспособленных для вывоза «улиток»...

— Верно! Кроме того, ученые подыщут какую-нибудь подходящую необитаемую планету для них. Мы сохраним эту форму жизни...

Пит с чувством пожал руку Азизову.

— Олмос! Ты молодец. Когда-нибудь «улитки» поставят тебе памятник. Если поумнеют, конечно.

— Ничего, сочтемся славою, — отшутился тот.

Пит крикнул, нахмурил лохматые брови.

— А успеем ли? — спросил он с сомнением. — Ведь гравитационное поле Ренэ теперь будет усиливаться с каждым днем. Смогут ли наши корабли взлететь с планеты через два-три месяца?

— Думаю, сумеют. Ведь ускорение движения Ренэ началось относительно недавно. Впрочем, не будем гадать. Давай прикинем на ЭВМ. Возьмем максимальные параметры...

Он быстро ввел данные в машину, вскоре на табло зажегся результат.

— Видишь, у нас в запасе не менее года...

— При условии, что не произойдет ничего непредвиденного...

— Но два-три месяца гарантированы в любом случае. В сущности, все это нужно уточнить. Сегодня же всем экипажем возьмемся за работу...

Наступила долгая напряженная пауза. Оба космонавта думали об одном и том же. Первым не выдержал Пит.

— Кто? — хрипло спросил он.

— Я, — спокойно ответил Азизов.

— Почему ты?

— Так надо.

— А если я?

— Нет.

Они обменивались вопросами и ответами, словно перебрасывали друг другу мяч.

— Тут спорить не о чем, — возразил Азизов. — Ты устал, нуждаешься в моральной и физической подзарядке. Так что на Ренэ останусь я. Ты поведешь «Алмаз» на Землю.

Пит опустил голову.

— Со мной останется еще один человек, — продолжал Азизов. — Но это должен быть парень из твоего экипажа. Такой, который знает все об «улитках» и не станет особо расстраиваться из-за небольшого опоздания домой. У тебя есть кто-нибудь на примете?

Старк решительно кивнул:

— Адам! Это фанатик космоса.

Азизов сделал гримасу:

— Я не в восторге от фанатиков.

— Да нет же! — оживленно заговорил Пит. — Я, может быть, не так выразился. Он фанатик, ну... в хорошем смысле слова. Между прочим, именно Адам первым заметил, что «улитки» пожирают наш корабль. Если бы не он как знать! — что стало бы с нами? И несколько характерных особенностей «улиток» приметил тоже он.

— Что ж! Если Адам согласится, я не возражаю, — ответил Азизов. — Да и вообще не забывай, что наши с тобой планы так и останутся планами, если нас не поддержит экипаж.

— Ну, за своих я ручаюсь! — энергично воскликнул Пит.

— А я за своих! Тем не менее поговорить надо. Даю сигнал общего сбора. — Он нажал клавишу и как-то задумчиво, мечтательно улыбнулся.

— Ты чего? — спросил Старк.

— А знаешь, я ведь в юности занимался теорией «черных дыр» и даже написал одно исследование...

— Кто только ими не занимался! — вздохнул Старк. Тут же решительно произнес: — А я вот что еще предлагаю. Рейс «Бурана» отменять не нужно. Пускай он летит, как намечено. Все-таки здесь будет чуть пораньше. Мало ли чего? А на втором корабле нужно привезти спецаппаратуру и установить ее на Ренэ. Знаешь, зачем? Чтобы она давала потом информацию об изменении свойств пространства-времени по мере приближения планеты к «черной дыре»...

Распахнулись створки входной двери. В рубку поспешно входили позевывающие космонавты. Небо на видеоэкране было темным, словно все звезды и планеты уже втянула в себя и поглотила таинственная «черная дыра».

* * *

Посадочный блок «Бургут» опустился рядом с пещерой. Место посадки предварительно облучили несильным электромагнитным полем, разогнавшим «улиток». Сейчас они сгрудились в отдалении, впитывая в себя жаркие лучи Годво и как бы выжидая того момента, когда силовое поле исчезнет и можно будет досыта полакомиться металлом, из которого был построен «Бургут».

Олмос и Адам выбрались наружу. Им предстояло вдвоем провести на Ренэ десять недель.

— Ну что? Будем обживать? — спросил командир.

— Пожалуй...

Если Азизов пользовался репутацией человека сдержанного и немногословного, то Адам и вовсе производил впечатление углубленного в себя молчуна. Внешность у него была заметной — легкая спортивная фигура, худощавое лицо с резкими, словно вырезанными резцом чертами, черные, горящие глаза. Могло показаться, что этот молодой мужчина скорее склонен к эмоциональным вспышкам, чем к длительному молчанию и невозмутимости. Однако не нужно забывать, что Адам был космолетчиком с немалым стажем. А космос учит взвешивать каждое слово...

— Начнем разгружать?

— Сначала посмотрим хижину.

Хижинкой космонавты Пита Старка называли домик, который они построили в пещере из остатков «Фотона».

В это время раздался металлический лязг и скрежет. Из люка показались две неуклюжие конечности, наконец на грунт тяжело спрыгнул «Себарга-3012».

Это был робот, до отказа начиненный позитронной техникой. Он уже побывал в пяти или

шести космических экспедициях и считал себя занятым путешественником. Кто-то дал роботу прозвище Беганас, и оно намертво закрепилось за ним.

На Земле давно уже отказались от идеи придавать роботам абсолютное сходство с людьми. А было время — в этом видели чуть ли не главное. Потом ударились в другую крайность. В конце концов «золотая серединка» была найдена — роботов, особенно бытовых, стали наделять примитивными характерами и «мультипликационной» внешностью, памятуя, что эти изделия должны не только выполнять большую часть физической работы, но и развлекать, успокаивать человека.

Недаром Пит Старк поручил Азизова и Адама заботам Беганаса. Беганас был простодушно-наивно-хитромудрым болтунишкой. Говорил он врасстяжечку, задавал глупые вопросы, смешно выпучивал круглые глаза, усердно тер ладонью переносицу, умел притвориться пораженным, удивленным или восхищенным. Это было в высшей степени коммуникабельное существо. Опытных, заслуженных космонавтов Беганас называл «дядюшками», тех, кто был моложе и покладистей, — «братишками». Если же роботу приходилось обращаться сразу к нескольким космонавтам, то он патетически поднимал руки кверху и восклицал: «Друзья мои! Братцы мои!» Само собой разумеется, что, несмотря на простецкую внешность, Беганас отлично справлялся с обязанностями электронно-вычислительной машины, информатора второго класса, библиоколлектора, не говоря уже о семи десятках рабочих профессий, которыми робот владел безукоризненно.

Сейчас Беганас был просто в восторге от того, что и ему предстоит путешествие к «черной дыре». Правда, он не знал, что же это такое. Ему просто нравилось это название — «черная дыра». Было в нем что-то таинственное и непонятное.

— Эх, дурак я, дурак, братцы мои! — жаловался он Азизову и Адаму, поочередно поворачивая к ним забавную рожицу.

— Отчего вдруг такая самокритика?

— А не учил я в детстве астрофизику — вот чего! — выпалил робот.

— Давай, давай, Беганас, — улыбнулся Азизов, — учиться никогда не поздно.

— Особенно астрофизике, — добавил Адам.

— Ой, правда? — обрадовался Беганас. — Тогда можно я прямо сейчас спрошу?

— Валяй, чего уж там!

— А вы не будете смеяться?

— Смелее, Беганас!

Тот крякнул, словно собираясь с духом, и стремительно выпалил:

— А что такое «черная дыра»?

Азизов и Адам рассмеялись в ответ:

— Спроси что-нибудь полегче.

— Ну, хотя бы приблизительно... — канючил за спиной Беганас.

— Адам, растолкуй ему, — попросил Азизов.

— Видишь ли... — задумчиво проговорил Адам, — ты, наверное, знаешь, что такое вторая космическая скорость? Это скорость, которую необходимо сообщить объекту, чтобы он смог одолеть притяжение небесного тела и покинуть его орбиту. Например, чтобы умчаться с Луны, нужно иметь начальную скорость чуть больше трех километров в секунду. Для Земли эта величина достигает уже одиннадцати целых восьми десятых километра в секунду. Словом, есть закономерность: чем массивнее небесное тело, тем большую скорость нужно иметь, чтобы вырваться из зоны его притяжения. Теперь представь себе, что в космосе существуют тела такой огромной массы, что для «взлета» с них недостаточно даже начальной скорости в 300 тысяч километров в секунду. Легко сообразить, что за пределы этих сверхмассивных тел не

вырывается никакая информация, ни лучик света, ни волна излучения. Эти тела абсолютно невидимые и потому получили название «черных дыр». Понял?

— Ой-ой-ой! — картинно запричитал Беганас, в паническом ужасе закрывая лицо руками. — А можно еще спросить?

— Не стесняйся, Беганас. Дай нам возможность блеснуть эрудицией.

— Значит, «черные дыры» очень-очень большие?

— Вовсе нет. Например, и Земля может стать «черной дырой», если...

— Если?

— Если сжать ее до размера шарика с радиусом в 1 сантиметр.

— А как же... а как... — мысли Беганаса разбегались. — А как узнали про «черные дыры», если их не видно и не слышно?

— Ну, поначалу их существование предсказали теоретически. А практически... У «черных дыр» очень сильное поле тяготения, которое притягивает любое тело, вещество или излучение. Потом... бывают двойные звездные системы, в которых одна звезда — яркий гигант, а другая — «черная дыра». В этих случаях «черная дыра», конечно же, начинает притягивать к себе газ из оболочки звезды-гиганта. Слои газа текут к дыре по спиральным орбитам, трутся друг о друга, разогреваясь до миллионов градусов, и дают рентгеновское излучение, которое и можно обнаружить. Вот тебе еще один способ обнаружения «черных дыр». Есть и другие.

— А вот еще... — снова заговорил Беганас, — я где-то не то читал, не то слышал, что «черная дыра» — это ворота в антимир? Это правда?

— Ого!

Азизов и Адам переглянулись.

— А ведь наш Беганас не так-то прост?

— Плутишка! Так ты, выходит, морочил нам голову?

— Да нет же! Я просто так спросил. Нечаянно. Не верите, да? Не веришь, дядюшка?

— Ладно, Адам, объясни ему, — подмигнул спутнику Азизов.

— Охотно, — невозмутимо и в то же время с иронией отозвался тот. Итак, наш любопытствующий друг Беганас, надо тебе сказать, что еще в древние времена, задолго до новой эры, некоторые ученые высказывали предположение о множестве параллельных миров. Так, древнегреческий философ Анаксагор...

— Анаксагора я знаю! — радостно воскликнул робот.

— Анаксагор писал, — продолжал как ни в чем не бывало Адам, — что видимый нам мир состоит из множества элементарных частиц, те, в свою очередь, из такого же множества еще меньших частиц, и так до бесконечности. В рукописях Анаксагора есть прямое указание на то, что каждая из таких систем, содержащая в себе все свойства пространства, населена живыми существами. Там есть свое небо, солнце, звезды. Об этом же, хотя и несколько иначе, говорили впоследствии многие другие ученые, из которых отметим Джордано Бруно и Лейбница...

Свой монолог Адам начал в высокопарно-иронических тонах, но постепенно воодушевился, глаза блеснули, голос зазвенел.

— Однако вскоре стала очевидной наивность подобных идей, — продолжал Адам. — Над ними попросту смеялись. И все же в конце двадцатого века ученые вновь вернулись к гипотезе о множестве параллельных миров, правда, уже на качественно новом уровне. — Пилот говорил горячо, словно стремясь убедить в чем-то самого себя. — Возьмем, к примеру, шар. Его поверхность замкнута и в то же время бесконечна. Давай условимся считать, что поверхность нашего шара — это двухмерный мир, населенный жителями. Они, эти двухмерные существа, могут двигаться в любом направлении по поверхности шара, нигде не встречая преград. Именно поэтому им чрезвычайно трудно осознать, что их бесконечный мир — всего-навсего шар

конечного объема. Трехмерный мир для них — чистая абстракция, нереальность. Точно так же нам, землянам, представляется бесконечным наш трехмерный мир, а четвертое измерение кажется некой не поддающейся осмыслению абстракцией, символом. Интересно, каким представляемся мы существам четырехмерного мира? Как думаешь, Беганас?

Беганас с силой почесал затылок. Его нос-картошка наморщился.

— Знаешь, братишка, все это очень интересно, хотя и чуточку запутанно, — пробормотал он, — но я не улавливаю, какая связь между Анаксагором, разными там мирами и «черными дырами»?

— А связь тут самая прямая, — пояснил Адам. — Многие ученые полагают, что «черные дыры» как раз и являются «дверцами» между разномерными мирами.

— Ух ты! — Робот был явно поражен.

К Адаму повернулся Азизов:

— Не забудь только добавить, что все эти предположения по-прежнему не более чем гипотезы. Еще никому не удалось хоть в малейшей степени доказать их.

— Но ведь и опровергнуть тоже не удалось?

— Потому-то они так и числятся гипотезами.

— Как знать... — прошептал Адам.

В разговор снова вмешался Беганас:

— А как же проверить эти гипотезы, если вы сами говорите, что при приближении к «черной дыре» гравитационные силы любого раздавят в лепешку?

— Вовсе нет, дурья твоя голова! — вскипел вдруг Адам. — Нас бы всех раздавило, если бы для окрестностей «черной дыры» были справедливы законы нашего мира. Но в том-то и дело, что возле дыр свойства пространства и времени резко меняются. Существует вероятность невредимыми проникнуть внутрь «черной дыры». Правда, это тоже только гипотеза... — Адам искоса взглянул на командира.

— Э, нет, дядюшка! — взмахнул руками Беганас. — Я в такие игры не играю! И вам не советую. В «черную дыру» я не полезу.

— Успокойся, дурачок! — в один голос воскликнули оба космолетчика. Никто туда и не собирается.

Люди как бы опомнились.

— Адам, довольно! — стряхнул с себя оцепенение Азизов. — Пора приниматься за дело. Пошли проверим хижину. А ты, приятель, займись разгрузкой. Да внимательнее смотри под ноги. «Улитки» не будут беседовать с тобой о «черных дырах».

— А о чем будут?

— Да ни о чем. Съедят — и все.

* * *

Хижиной называли пластиковый дом, в котором экипаж Пита Старка прожил два года. Он находился в глубине пещеры посередине большого овального зала. Адам выполнял роль гида. Азизов придирчиво осматривал каждую деталь, обо всем выспрашивал — как-никак здесь предстояло провести два-три месяца.

То и дело в подземный зал вбегал Беганас с очередным ящиком в руках. Целая гора грузов выросла уже у прохладной стены.

Люди еще раз проверили по списку ассортимент привезенных вещей и продуктов, затем поручили проделать то же самое Беганасу.

На минуту космонавты сели передохнуть на самодельные деревянные табуретки.

— Пит сказал, что ты в курсе всех дел на Ренэ, — повернулся командир к Адаму.

— Да. Хотя дел было немного.

— Ладно. Ничего не забыли?

— Не думаю.

— В таком случае прощаемся с «Алмазом»? Держать ребят нет смысла.

— Конечно.

Они встали и вышли из пещеры на плато. Наступили густые, сиреневые сумерки Ренэ. «Улитки» лежали неподвижно, словно переваривая впитанную за день лучевую энергию. Зубцы причудливых скал совершенно растворились в плотной темноте. В черном небе искрился «Алмаз», освещенный лучами заходящего Годво. Издали корабль походил на фантастическое существо из подводного царства. До него было несколько десятков километров, но сколько сил и уверенности придавал один его вид! У Азизова сжалось сердце, когда он подумал, что через несколько минут звездолет исчезнет в просторах космоса и одни лишь пылинки звезд будут освещать ночное небо Ренэ.

Вдвоем с Адамом они поднялись в кабину посадочного блока. Азизов включил видеофон, на экране появилось озабоченное лицо Пита Старка.

— Старина, у нас все в порядке, — сказал Азизов.

— Вы это... проверьте-ка еще раз... — посоветовал тот. — Спешить некуда...

— Но и тянуть бессмысленно. Имей в виду, я приглашаю тебя на плов.

— На какой еще плов?

— На старый добрый плов. Словом, ровно через полгода в четыре часа дня жду тебя в Ташкенте.

— Думаешь, я не приду? — одними губами улыбнулся Пит. — Еще как прибегу, да и всех своих прихвачу за компанию.

— Буду иметь в виду. До свидания, Пит.

— Хэлло! До встречи в Ташкенте! До свидания, Адам!

— Прощайте, шеф!

— Эй, парень, чего ты там мелешь! — взревел Старк. — Что значит «прощайте»?

Адам печально улыбнулся:

— Извините, шеф, я оговорился.

— Оговорился... — проворчал Старк. — Задать бы тебе за такую оговорку... Ну ладно! Не вешай носа, парень! Ты всегда был в норме.

— Я и сейчас в норме.

— Ну, пока!

Старк уже не смотрел на экран. Отвернувшись к пульту, он отдавал команды. Изображение дрогнуло, начало расплываться и вот исчезло совсем. «Алмаз» стартовал.

Азизов выключил видеофон.

— Адам, ты не устал? Может, хочешь отдохнуть?

Тот покачал головой:

— Сыт, здоров и полон энергии.

— В таком случае возьмемся за дело. Для начала я попрошу тебя еще раз и более подробно рассказать о ваших приключениях на Ренэ.

— Охотно, — отозвался Адам. — Однако, командир, прежде чем начать рассказ, я хочу показать вам одно любопытное явление. Тогда вы лучше поймете и мой рассказ, и саму планету.

— Надо куда-нибудь идти?

— Да.

- Далеко?
- Нет, рядом.
- Тогда в путь — В путь.

* * *

Адам повел командира по самой оконечности плато вдоль подножия горной гряды. Диск Годво уже скрылся за горизонтом, стояла глухая ночь. Космонавты освещали себе путь небольшими фонариками. Беганас был оставлен на вахте.

В небе мерцали чужие звезды. Азизову время от времени казалось, что одна из звездочек — это пламя удаляющегося от Ренэ «Алмаза». Он знал, что это не так. Корабль уже за миллионы километров отсюда. Однако не думать об «Алмазе» он не мог. То и дело на пути попадались скопления спящих «улиток». Пару раз задумавшийся Азизов наступил на них. Но, заметив, с какой осторожностью Адам пробирается между ними, последовал его примеру. Он чувствовал, что осторожность Адама диктуется не боязнью получить повреждение, а чем-то иным — быть может, почтительным отношением к столь необычным существам.

— У нас ведь не было ни вездехода, ни планетохода, никакого мотора, не говоря уже о летательных аппаратах. Поэтому исследовать мы сумели лишь прилегающие к пещере районы, — говорил между тем Адам. — А ведь плато расположено в северных широтах, лучи Годво падают под значительным углом. По нашим расчетам, экватор получает раза в три больше световой энергии на квадратный метр. Видимо, и «улитки» там крупнее, да и вообще немало интересного.

— Ничего, дорогой, доберемся и до экватора.

— Впрочем, здесь тоже есть на что посмотреть. Если только нам повезет... — Он не договорил и быстро зашагал вперед.

Через двадцать минут они удалились от пещеры на порядочное расстояние. Казалось, огни «Бургута» горят где-то далеко-далеко позади. Скалы черными монолитными зубцами неясно вырисовывались на небе, тускло освещенном редкими звездочками. Внезапно пространство между двумя зубцами на миг как бы заискрилось.

Азизов от неожиданности остановился. Адам повернул к нему радостное лицо:

- Ага! Есть!
- Что это?
- Идемте!

Быстро отыскав расщелину между скалами, видимо, хорошо известную ему, Адам повел Азизова в горы. Впрочем, шли они недолго. Адам остановился, по его свободной позе чувствовалось, что они достигли цели. Было очень темно. Азизов ничего не понимал.

— Адам, где мы?

— Подождите секундочку... сейчас... — чуть слышно отозвался пилот.

И тут...

Ярчайшая дуга вспыхнула перед ними, осветив собою все вокруг.

Азизов увидел небольшую гладкую площадку, со всех сторон сжатую скалами. На площадке примерно в полуметре друг от друга расположились две крупные «улитки». Между ними-то и горела ярко-красная дуга, рассыпая вокруг звездочки-искры.

Как зачарованный смотрел Азизов на невиданное зрелище.

Было хорошо заметно, как дуга словно выгибается вверх. Еще немного, и она превратилась в огненный веер, взметнувшийся ввысь метров на восемь. Вот сноп пламени поднялся еще выше. Послышался легкий шорох. Искры осыпались вниз небольшими черными точками. А

«улитки», между которыми вспыхнула дуга, тем временем стремительно уменьшались в объеме, как бы сгорая в жарком огне. Вот пламя вспыхнуло в последний раз и погасло. Казалось, что наступила абсолютная темнота, настолько глаза привыкли к яркому свету. Адам включил фонарик и осветил площадку. Она была усеяна малюсенькими черными камушками.

— Вы разгадали это природное явление? — в возбуждении спросил Азизов.

— Это не явление, — усмехнулся Адам.

— А что же?

— Мы с вами присутствовали при появлении на свет маленьких обитателей Ренэ.

— Что?! — изумился Азизов. — Ты хочешь сказать...

— Да. Это размножение. А размножаться, как ты понимаешь, способны только живые существа.

Азизов не мог, да и не хотел скрывать, что потрясен. В молчании они миновали расщелину и вышли на плато.

— Ты правильно сделал, Адам, что прежде всего привел меня сюда, проговорил командир. — Признаться, до последней минуты я не верил в неорганическую жизнь. Был убежден, что это неизвестные нам физико-химические реакции, не более.

— А теперь?

— Теперь я так не думаю.

— Рад, что смог оказать тебе эту дружескую услугу, командир. Мы тут все стали заядлыми кристаллографами, — говорил Адам. — Проштудировали все, что было в библиотеке по кристаллографии. И пришли к выводу, что неорганическая жизнь — не такая уж диковинка. Ведь и земные кристаллы в чем-то сродни живому существу.

— Признаться, я в этом деле профан. Никогда не увлекался кристаллографией.

— А ведь это увлекательнейшая наука, командир, — с воодушевлением продолжал Адам. — Вот вкратце некоторые факты. Кристалл умеет расти, приспосабливаться к окружающей среде и менять окраску. Подобно человеку, он устает и стареет. Кристалл может издавать звуки и помнить прошлое.

— Помнить прошлое? — удивился Азизов. — Надеюсь, это образное сравнение?

— Нисколько, — улыбнулся Адам. — Так же, как у каждого человека есть определенные недостатки, кристаллу свойственны дефекты. Это сугубо индивидуальные трещинки, царапины или поры, образовавшиеся в результате определенных событий. Анализируя характер этих дефектов, можно расшифровать прошлое кристалла, восстановить его историю.

Азизов слушал не перебивая.

— Командир, а что ты скажешь о таком явлении: если придать поверхности земного кристалла шероховатость, то он будет стремиться избавиться от нее? Кристалл может «вспотеть» — покрыться тонким слоем собственной жидкости с целью уменьшить энергию поверхности. Разве это не разумные действия?

— Я обязательно ознакомлюсь с этими трудами, — негромко произнес Азизов.

— И, наконец, знаешь ли ты, командир, что еще в первой половине двадцатого века советский академик Александр Ферсман — кстати говоря, ваш соотечественник — назвал кристалл живым? И это не было лишь поэтическим сравнением. Тут заложен глубокий смысл...

* * *

Беганас не терял времени даром. Пока люди были в отлучке, он успел закончить уйму дел: полностью разгрузил посадочный блок, продезинфицировал хижину, навел чистоту и порядок во всех помещениях, установил систему кондиционирования воздуха, оборудовал комнату

отдыха, отладил лабораторную аппаратуру, приготовил вкусный ужин.

Единственное, чего он не знал, это как поступить с электронным телескопом. Прибор полагалось установить на вершине пологой горы неподалеку от пещеры, однако Беганас побаивался, как бы телескоп не стал жертвой «улиток». Робот решил подождать людей, чтобы получить от них точное распоряжение, а заодно поболтать о «черных дырах» и загадках планеты Ренэ. Робот глубоко задумался — надо ведь и развлечь космонавтов, они наверняка придут уставшими.

Однако люди вернулись в хижину бодрыми и возбужденными. Им было явно не до Беганаса. Оба с удовольствием поужинали, когда же робот попытался завести «умный» разговор, то попросту выставили его за дверь. Что касается телескопа — им решили заняться завтра.

— Стараешься тут, стараешься — и никакого уважения, — ворчал недовольный Беганас.

Тем временем Олмос Азизович и Адам расположились в удобных креслах.

— Кофе будете пить? — не утерпел все-таки Беганас, вновь заглядывая в гостиную.

— По чашечке, сделай милость.

— Мне, пожалуйста, сладкий, — попросил Адам.

— Сейчас. ...Адам сделал два маленьких глотка и, держа чашечку в руках, начал свой рассказ о предыдущей экспедиции на планету. Азизов слушал не перебивая. Оба утратили представление о времени. ...Робот вновь появился на пороге.

— Еще по чашечке кофе? — спросил он.

— Будь добр, — машинально ответил Азизов.

— Должен, однако, предупредить, что много кофе на ночь вредно для здоровья, — поучительным тоном произнес робот.

— Тогда зачем спрашиваешь?

— Я ведь обязан исполнять все ваши желания, даже если они идут вразрез с логикой, — укоризненно заметил Беганас, как бы давая понять, что хотя он и подчиняется заложенной в него противоречивой программе, но отнюдь не одобряет ее.

— В таком случае принеси нам еще кофе и иди отдыхать.

— Я не нуждаюсь в отдыхе, — с достоинством проговорил Беганас. Разве вы не в состоянии поручить мне какое-нибудь важное дело?

— Хорошо, походи посчитай, сколько звезд на небе.

— Будет исполнено, — с важностью отвечал робот.

Он принес кофе и счел нужным уточнить еще раз:

— Так мне идти?

— Иди, иди, ради бога!

Когда наконец Беганаса выпроводили, Адам продолжил рассказ. ...Дверь снова приоткрылась, в холл заглянул Беганас.

— Ну? — с досадой повернулся к нему Азизов.

— Я только хотел уточнить: считать одни звезды или и планеты тоже?

— И планеты тоже! И астероиды! И кометы! И метеориты!

— Вот видите. Значит, я побеспокоил вас не напрасно, — довольным тоном подытожил Беганас. — Вы не только конкретизировали задание, но и расширили его рамки. Это хорошо.

И он тихо прикрыл за собой дверь.

Адам не обратил на эту сценку никакого внимания. Воспоминания взволновали его, дыхание пилота участилось. Речь его звучала все вдохновеннее.

— Нужно было быстро отыскать надежный способ защиты от «улиток». Как я уже говорил, лазеры оказались бессильными против них. Мы попробовали сильное гравитационное поле —

безрезультатно. Нервно-паралитическое — то же самое. На радиацию они не обратили ни малейшего внимания. Наконец кому-то в голову пришла счастливая мысль воздействовать на них самым обыкновенным, причем довольно слабеньким, электромагнитным полем. Вот это был эффект! Передние «улитки» резко отпрянули назад, началось столпотворение, а вскоре все эти странные существа бросились врассыпную.

— Значит, они могут передвигаться с большой скоростью? — не утерпел Азизов.

— Н-нет... — в раздумье ответил Адам. — Я не вполне точно выразился. Было такое впечатление, что какая-то мощная волна просто относит их по поверхности назад. И вот что бросилось в глаза — задние «улитки» начали откатываться почти одновременно с передними.

Азизов кивнул головой, как бы давая знать, что больше не будет перебивать Адама.

— Это открытие воодушевило нас. И мы принялись мастерить рогульки.

Адам поднялся, быстро вышел из гостиной, но тут же вернулся, держа в руках длинную палку, раздвоенную на конце.

— Вот рогулька. Конструкция, как видишь, элементарная. На рукоятке источник электроэнергии, два проводка, а здесь реостат. С таким оружием мы могли в полной безопасности передвигаться по Ренэ. — Он протянул рогульку Азизову, а сам заходил большими шагами взад-вперед по комнате. — У Пита тут же родилась идея. Он предложил натянуть два параллельных провода от «кубрика» до пещеры и пропустить по ним переменный ток. Тогда получится коридор, по которому мы сможем перенести все наши вещи, припасы в пещеру, не подвергаясь нападению со стороны «улиток». Так мы и поступили...

Все приходилось делать самим. Мы построили эту хижину, несколько рядов защиты, наладили лабораторию. К сожалению, осталось слишком мало приборов и аппаратуры. К счастью, в библиотеке сохранилось несколько книг, знаешь, из этой старой серии «Сделай сам». Мы начали учиться ремеслам... Пит тут же ввел узкую специализацию. Часть ребят он усадил за изготовление источника связи. Другая группа занималась исследованием Ренэ. Третья группа должна была готовиться к встрече корабля с Земли. Мы ни на секунду не сомневались, что нас будут искать. На плато мы расположили систему самодельных зеркал, направляя на которые в ночное время свет ламп можно было вызвать яркий сфокусированный луч, наблюдаемый, по нашим расчетам, за тысячи километров от поверхности Ренэ. Велось, естественно, и визуальное наблюдение. Мы даже составили график дежурств...

— И тем не менее...

— Да, — улыбнулся Адам. — Тем не менее произошла парадоксальная вещь. Мы прозевали ваш прилет. Считали, что нас будут искать несколько позднее. — Адам протянул командиру журнал в коричневом переплете. — Здесь все записано.

Азизов бегло просмотрел несколько исписанных страниц:

— Н-да, немного. — Поднял на спутника глаза: — Значит, лазер на них тоже не действует?

Адам кивнул головой:

— Практически да. Удивительно жесткая структура. Когда ведешь лучом по панцирю, поначалу на поверхности появляется неглубокий разрез, но тут же затягивается... Мы брали для опытов несколько «улиток»...

В этот момент в гостиную с шумом ввалился торжествующий Беганас.

— Задание выполнено! — удовлетворенно отрапортовал он. — Хотя, должен заметить, это было не так-то просто. Напомню, что моя оптическая система в состоянии фиксировать светила седьмой звездной величины. Естественно, все данные, которые я привожу о себе, соответствуют земным условиям. Однако, поскольку здешняя атмосфера оказалась более прозрачной, я смог фиксировать и светила восьмой звездной величины. Таким образом, получив от вас задание...

— Очень хорошо! — перебил его Азизов. — Занеси результат в ячейку накопителя. Я потом

посмотрю.

— Ладно, — обиженно буркнул под нос робот и отошел в угол.

— Беганас, — позвал его Азизов.

Тот притворился, что не слышит.

— Беганасик...

— Ну, чего?

— Покажи, что ты там насчитал, а заодно принеси нам...

— Еще кофе?! — ужаснулся Беганас.

— Нет. Бутылку хорошего вина, — твердо объявил Азизов и повернулся к Адаму: — Думаю, ты не против?

— Нет...

Беганас был явно растерян:

— Хорошо... я могу принести... Но... разве вы не знаете, что вино это яд.

Азизов улыбнулся:

— В том случае, если злоупотреблять им. А мы, кажется, чрезвычайно редко обращаемся к тебе с подобными просьбами. У нас сегодня маленький праздник, понимаешь, Беганас?

Робот вздохнул:

— Я понимаю только одно, что вы — люди — очень противоречивые существа. Наверное, поэтому вы и в меня ввели такую противоречивую программу... — И бедняга ушел за вином, сокрушенно качая цилиндрической головой.

* * *

Утро выдалось великолепное. Было ясно и безветренно. Оранжевый диск Годво уже наполовину показался из-за далеких гор. Начинался новый день Ренэ.

Земляне стояли у самого входа в пещеру, любуясь своеобразной природой планеты.

— Наша с тобой задача предельно проста, — говорил Азизов Адаму. Надо определить места наибольшего скопления «улиток», узнать, сколько видов их или разновидностей существует и — пропорционально — отобрать для транспортировки. Исследуем все особенности Ренэ. Главное, не упускать мелочей. А после прибытия «Бурана» установим аппаратуру для автоматических наблюдений за «черной дырой».

— Задача простая, но повозиться придется. Ведь Ренэ только немногим меньше Меркурия, а нас трое, да и то вместе с Беганасом.

— Но мы начинаем не на пустом месте...

— Практически на пустом. До сих пор мы исследовали лишь часть плато и гор, да и то в районе хижины...

— Все понятно, Адам. У вас не было ни вездеходов, ни летательных аппаратов. А у нас с тобой есть и то, и другое. Справимся. Два месяца срок солидный.

— Конечно, справимся, — невозмутимо ответил Адам. — Нам ведь только составить карту...

— Сегодня постараемся детально обследовать плато. А завтра отправимся к южным широтам.

Адам вывел из «Бургута» вездеход — небольшую, юркую машину. Вездеход имел неограниченный запас хода, надежную защиту и почти идеальную проходимость. С помощью четырех вертикальных и двух горизонтальных турбин, раздвижных крыльев и складного оперения одним нажатием кнопки «Беркут» трансформировался в самолет. Лазерная установка, уплотнитель и кольцевые холодильные камеры позволяли машине двигаться даже в толще гор

по ею же проложенному тоннелю, расплавляя грунт. Система герметизации давала возможность путешествовать под водой. В вездеходе находился недельный запас пищи, воды и кислорода. Уютные кресла были приспособлены для сна. Словом, на этой машине не страшно было отправиться в длительную экспедицию даже на далекой планете.

Азизов строго наказал Беганасу следить за их хозяйством, затем сел в кабину. Вездеход полетел вперед.

Поверхность плато была практически идеально ровной. Только присмотревшись внимательно, можно было обнаружить на ней маленькие неглубокие дырочки — следы присосок «улиток». А плато представляло собой гигантскую площадку диаметром не менее десяти километров, окруженную со всех сторон горами. Горы — невысокие, но очень обрывистые — напоминали зубцы древней, полуразрушенной крепости. В скалах то тут, то там зияли отверстия пещер.

— Вы не пробовали выяснить причину образования пещер? — спросил Азизов.

Адам кивнул головой:

— Выщелачивание и размыв легкорастворимых пород.

— Здесь что, много воды?

— Когда-то было много.

— Давно?

— В дни молодости Ренэ. Затем началось постепенное улетучивание атмосферы, а с ним испарение с поверхности воды. Но атмосфера еще не полностью улетучилась. А вода есть под землей. Но, похоже, «улитки» не нуждаются ни в том, ни в другом.

— Как бы нам не просчитаться с тем, в чем они нуждаются, а в чем нет.

— Могу сказать одно: если их поместить на два дня в закрытое помещение, лишённое доступа лучевой энергии — ну, хотя бы в пещеру, — они погибают.

— Вот как? — удивился Азизов. — И что, ты можешь отличать живую «улитку» от мертвой?

— Чего проще! Живые — теплые.

— И как ты это объясняешь?

Адам пожал плечами.

— Толковых идей на этот счет ни у кого из наших не появилось.

Так, переговариваясь, они все больше удалялись от хижины. Шеренга скал на горизонте заметно приблизилась. То и дело приходилось объезжать громадные скопления «улиток», в каждом из которых насчитывалось несколько десятков тысяч особей.

Внутри вездехода за спинами космонавтов помещался внушительный прозрачный шар — уменьшенная копия Ренэ. Плато уже было нанесено на него. Фиксатор, соединенный с телекамерами, вмонтированными в корпус «Беркута», аккуратно отмечал на шаре места скопления «улиток» и приблизительно оценивал их количество.

— Ты обратил внимание, что они держатся группами? — спросил Азизов.

— Как пчелы или муравьи, — подтвердил Адам.

— Смотри, ни одной одиночки. Что это, примитивный коллективизм? Но ведь слабые сбиваются в кучу, чтобы успешнее противостоять сильному врагу. Вероятно, и у наших «улиток» есть враг?

— Во всяком случае, за два года пребывания на Ренэ мы ни разу не видели, чтобы кто-то или что-то угрожало «улиткам». — Адам резко повернул вездеход, аккуратно объезжая очередную колонию обитателей.

— Можно два года жить возле муравейника, так и не узнав, кто же враг муравьям, — возразил Азизов.

— Резонно...

Однако тут же счел нужным предложить другой вариант:

— А что, если так — в куче — им легче искать пищу?

— Может быть... — теперь пришел черед соглашаться Азизову.

Чем ближе к центру плато, тем реже попадались «улитки». Вскоре отпала необходимость в объездах и поворотах — местность впереди была совершенно пустынной.

— Сворачивай вправо, — предложил командир.

Адам свернул, и через некоторое время они опять наткнулись на «улиток».

— Такое впечатление, что они стараются держаться ближе к горам, заметил Азизов.

— Это верно.

— Как ты это объясняешь?

— На Ренэ бывают сезоны сильных ветров. Правильнее сказать ураганных. Мы предположили, что во время этих бурь «улитки» прячутся в расщелинах и трещинах скал.

— Странно... — Азизов нахмурился. — Лазера они не боятся, а ураган им страшен...

— Ураган с легкостью может унести «улитку» от сородичей, от привычного пастбища. А это гибель. ...Полдня крутились космонавты по плато. Нередко выходили из вездехода, склонялись над «улитками», придирчиво рассматривая их. Похоже, на плато все «улитки» были одного вида. Отличались они друг от друга только размерами.

Азизов попробовал оторвать одну из «улиток» от грунта, но у него ничего не получилось.

— Ее не сдвинешь с места никаким ураганом! — воскликнул он.

— Ураганы начнутся через месяц, — спокойно ответил Адам. — Посмотрим, что ты скажешь тогда.

Ничего нового на плато им обнаружить не удалось. Адам вел вездеход вдоль подножия скал. Короткий день Ренэ близился к концу. Диск Годво начинал клониться к горизонту.

— Ну что ж! Будем считать, плато в нашем активе! — подытожил Азизов.

Впереди показались скалы, чем-то похожие на изваяния с острова Пасхи.

— Посмотри-ка на эту фигуру! — не удержался командир. С минуту он внимательно разглядывал горные зубцы: — Тебе не кажется, что есть в местном рельефе некая странность?

— Это все работа ветра. Ураганов, про которые я говорил.

— Только ли ураганов? Взгляни-ка на эту расщелину! Знаешь, что она мне напоминает? Пересохший сай в горах Средней Азии. Послушай, Адам, да по этой расщелине свободно пройдет наш «Беркут». Рискнем, а?

— Почему же нет?

Расщелина и в самом деле была широкой, однако не настолько, чтобы позабыть об осторожности. Адаму приходилось вести машину с ювелирной точностью. Извиваясь, расщелина вела в глубь гор. С обеих сторон поднимались отвесные, красноватого цвета скалы.

— Это скорее похоже на дорогу, — пробормотал Адам.

В одном месте проход несколько сужался. Пришлось пустить в ход лазер. Горная порода в отличие от панцирей «улиток» легко поддавалась воздействию луча.

Людям показалось, что они едут очень долго. Но это оттого, что вездеход двигался медленно. Циферблат показывал, что прошло не более пятнадцати минут, как они решились на это путешествие.

Наконец скалы как бы расступились. Расщелина перешла в узкую, вытянутую долину, уходящую за горизонт.

— Что это?

Адам резко остановил вездеход, оба выпрыгнули из кабины.

Вдоль долины тянулась цепочка черных прямоугольной формы камней, не имеющих ничего

сходного с «улитками». Камни располагались на одной линии, отстоя друг от друга на пять-шесть метров.

— Тебе не кажется, что они похожи на кирпичи? — спросил Адам.

— Скорее на увеличенные в размерах костяшки домино, — поправил спутника Азизов и попросил: — Принеси электронный термометр.

Пока Адам бегал за прибором, Азизов внимательно разглядывал черный камень, у которого они остановились. Плоский параллелепипед, лежащий широкой гранью на грунте, ребра и вершины несколько скруглены, словно их специально обтачивали. На гранях, обращенных к соседним камням, причудливый рисунок, напоминающий прожилки мрамора.

Вернулся Адам. Измерив температуру поверхности камней, космонавты вздохнули с огорчением. Видимо, камни к живым обитателям Ренэ отношения не имели.

— Однако обрати внимание на их форму. Это не может быть игрой природы! — воскликнул Азизов.

— А их расположение! Случайность исключается. Смотри, почти идеальная прямая линия.

— В любом случае надо установить, куда она ведет.

В едином порыве люди бросились к вездеходу и помчались вперед, следуя вдоль своеобразного пунктира. Так они проехали несколько километров, когда долина неожиданно сделала крутой поворот. Следуя ее изгибу, они также повернули, но ничего нового не увидели. Долина, обрамленная высокими скалами, тянулась до самого горизонта. Бесконечной казалась вереница черных камней, теряющаяся вдаль.

— А ты обратил внимание, — повернулся к командиру Адам, — что на повороте камни лежат теснее, ближе друг к другу?

— Давай-ка пока фиксировать все детально. Анализом займемся позднее. Я думаю, что в ближайшее время нам предстоит убедиться, что жизнь на Ренэ гораздо богаче по формам, чем это представлялось нам прежде.

Между тем начало смеркаться. Находясь на повороте, космонавты еще могли видеть долину, одевающуюся в сиреневую дымку. Но буквально через пять минут наступили сумерки, предвещавшие непроглядную ночь. Вершины скал уже слились с небом, на западе дрожала узкая полоска вечерней зари, которая вот-вот должна была исчезнуть.

Фары вездехода вырывали из темноты небольшой сектор долины. Конечно, можно было усилить мощность световых лучей и даже включить круговое освещение, но необходимости в этом не было.

Адам все увеличивал и увеличивал скорость, как бы стремясь поскорее добраться до конца каменной цепочки.

Азизов, как это и положено командиру, первым взял себя в руки.

— Стой! — распорядился он. — Разворачивайся. Возвращаемся в хижину.

— Зачем? — воскликнул Адам. — Доедем до конца. — Его тонкие ноздри раздувались, глаза горели; весь он напоминал исследователя, который после долгих опытов уловил наконец суть проблемы и вот-вот должен добиться результата.

Азизов понимал его, он ведь и сам едва не поддавался азарту. И вообще, как это здорово — узнать все сразу. Благо, случай предоставил такую возможность,

— Нет, сегодня мы не поедем до конца, — он сделал ударение на слове «сегодня».

— Но почему?!

— Хотя бы потому, что мы не имеем права рисковать.

— Но здесь нет никакого риска!

— Ни ты, ни я не знаем этого.

— Если мы начнем осторожничать, то не управимся тут и за год! — с вызовом проговорил

Адам.

— А если позабудем об осторожности, то потеряем и те два месяца, что есть в нашем распоряжении, — спокойно возразил Азизов. Он доброжелательно посмотрел на инженера и улыбнулся: — В хижину, Адам. Не забудь, что там нет никого, кроме Беганаса. А оставлять его одного надолго, сам понимаешь, не стоит.

Спокойный тон командира охладил пыл Адама. Он круто развернул вездеход. Инцидент был исчерпан.

— Ничего. Мы вернемся сюда, едва начнет светать. ...Но они вернулись в долину намного раньше...

* * *

Беганас степенно вышагивал вокруг «Бургута». Увидев приближающийся вездеход, он быстро открыл грузовой люк и комично отсалютовал космонавтам.

— Как дела? — спросил робота Азизов.

— Превосходно.

— «Улитки» не нападали?

— Даже вблизи не показывались. Наверное, меня испугались, предположил Беганас.

— Возможно... — Азизов думал о своем. — Кстати, там, в вездеходе, кое-какая информация о нашей поездке. Подзаряди свою память. И — ужин. Давай нам ужин. Мы голодны, как волки.

Робот принялся деликатно покашливать и переминаясь с ноги на ногу.

— Как? Ты не приготовил ужин? — догадался Азизов.

— Я не виноват, — начал оправдываться Беганас. — Вы не предупредили меня, когда вернетесь. Я, конечно, мог накрыть на стол пораньше, но тогда кушанья остыли бы и потеряли свои вкусовые качества... Но ничего страшного в создавшейся ситуации нет. Не пройдет и сорока минут...

— Как, ты собираешься морить нас голодом еще целых сорок минут? воскликнул подошедший Адам.

— Форменное безобразие! — Азизов сделал вид, что сердится, и шутливо подмигнул товарищу.

Беганас совсем растерялся:

— Увы, но выхода нет...

— Вот что, тащи хлеб, консервы и завари кофе! — в голос воскликнули оба космонавта.

Однако Беганас не спешил выполнять приказ.

— Считаю своим долгом предупредить вас, — заговорил он с расстановкой, — что питаться всухомятку вредно для желудочно-кишечного тракта... — Он хотел добавить еще что-то, но внезапно вздохнул, развел руками и побрел на кухню.

Несмотря на то что его наставления (придуманные, между прочим, людьми!) вновь остались без внимания, трудяга-робот радовался, как умел. Он видел, что космонавты вернулись из поездки возбужденные и, как ему казалось, веселые и довольные.

Но уже через три минуты, вкатив тележку с нехитрой снедью в гостиную, он застал людей притихшими.

Командир даже не заметил появления Беганаса.

— Послушай, а где ночуют «улитки»? — спрашивал он у Адама.

— Наверное, в горах, в расщелинах.

— Наверное или точно?

— Точных данных у нас нет. Вести наблюдения ночью мы не рисковали.

— А размножение «улиток»?

— Это обнаружилось случайно... По искрам...

— Так, так, так... — Азизов отпрянул от стены и быстро зашагал по комнате: — Значит, фактически вы не знали, что происходит на плато ночью... — Он резко остановился: — А, быть может, в этом главное?

Адам вскочил с кресла. Он понял, что имел в виду командир.

— Едем!

— И немедленно! Только без ненужной активности. Чисто визуальные наблюдения.

Космонавты устремились к выходу.

— А ужин?! — воскликнул ошарашенный Беганас.

— Некогда! — отмахнулся от него Азизов. — Впрочем... Адам, прихвати там чего-нибудь...

— Не стоит. Кое-какие припасы есть и в «Беркуте».

— Тогда вперед.

— Скажите, по крайней мере, когда вернетесь? — взмолился Беганас. Готовить мне горячее или нет?

— Как хочешь. Главное — следи за порядком.

Тонкий слух робота зафиксировал звуки удаляющихся шагов, скрип открывшегося люка, мерное пение вездехода.

Он посмотрел на передвижной столик, в центре которого красовался большой кофейник, и вздохнул:

— До чего же трудно угодить человеку!

* * *

Впереди был густой мрак. Космонавты решили, что разгонять его мощными прожекторами не имеет смысла, чтобы не привлекать к себе внимания, и включили лишь фары ближнего света. Таким образом, перед вездеходом освещалась узкая полоска пространства. По этой причине приходилось двигаться медленно.

Азизов достал карту, на которую они днем нанесли места скопления «улиток», и попросил Адама еще раз проследовать тем же маршрутом. Они ехали уже долго, но нигде не обнаружили ни одной «улитки». Неужели у странных обитателей Ренэ есть ночные убежища? А если есть — где их искать?

— На плато «улиток» нет, — наконец с уверенностью закончил Адам. Искать бесполезно.

— Так. Что предлагаешь?

— Думаю, интересно посмотреть, на месте ли «домино»?

Азизов на минуту задумался.

— Согласен, — ответил наконец. — Держи курс к расщелине.

— Может, включим прожекторы?

— Погоди. Пока не надо.

Вот наконец и знакомая расщелина. Адам уверенно повел в нее вездеход, но, проехав несколько десятков метров, вынужден был остановить машину.

Вся расщелина была покрыта «улитками», как мостовая булыжником. Приглядевшись, люди заметили, что «улитки» медленно «текут» по ущелью, удаляясь от плато.

— Не к тем ли камням они направляются? — предположил Азизов.

— К «домино»? Вполне возможно.

— Держись за ними.

Однако «улитки» передвигались слишком медленно. При такой скорости они добрались бы до конца ущелья не раньше, чем через час.

Люди знали, что панцирь «улиток» с легкостью выдержит вес вездехода, но знали они и другое: «улитки» — живые существа. О том, чтобы проехать по ним, конечно же, не могло быть и речи.

— Ну что, командир, переходим на летный режим? — весело блестя глазами, спросил Адам.

— Давай. И удвой внимание. Смотри, как, однако, скользят эти «улитки»! Кажется, нынешней ночью мы кое-что узнаем.

Адам вывел вездеход на плато. Несколько нажатий на клавиши — и вот уже у машины «выросли» крылья, хвостовое оперение, тонко запели турбины вертикального взлета, зажглись огоньки локаторов, определяющих по всем направлениям расстояния до возможных преград.

«Беркут» поднялся и медленно поплыл над скалами в сторону долины. Было очень темно. Из предосторожности люди не включали прожекторов. Светился лишь видеозэкран, на котором смутно проступали очертания горных пиков.

— Смотри! — вырвалось вдруг у Азизова.

Адам оторвал взгляд от приборов и взглянул в иллюминатор.

Вдоль всей долины тянулась яркая огненная линия.

Не было сомнений, что она проходит через черные камни — «домино».

Адам поднял вездеход выше, светящаяся линия при этом как бы удлинилась. По всей видимости, она тянулась на многие десятки, может быть, сотни километров.

— Давай вдоль нее! — скомандовал Азизов.

Линия горела ровным ярко-желтым светом. Скорее всего она напоминала раскаленный металлический прут. Светящаяся трасса, однако, была не сплошной, в ней проглядывались и черные разрывы — как раз в тех местах, где лежали камни.

Азизов приткнулся к небольшому телескопу ночного видения и тут же возбужденно воскликнул:

— Послушай, она проходит точно через ось симметрии «домино».

— Интересно, какова ее температура?

— Сейчас узнаем.

Электронный термометр мог определять температуру и на расстоянии. Азизов сориентировал прибор и, посмотрев на шкалу, присвистнул:

— Пятнадцать тысяч градусов!

— Температура плазмы?

— Выходит, так...

— А камни?

— Сейчас. Притормози немного. Ага... Совершенно не нагрелись. Температура окружающей среды.

— Значит, «домино» — идеальный проводник?

— Да. Видимо, перед нами энергомост, по которому передается громадная энергия.

— Кем и куда?

— Хотел бы я знать!

Космонавты были необыкновенно возбуждены. Ренэ предстала перед ними в совершенно новом качестве. Только что они пытались уподобить «улиток» земным пресмыкающимся. Но передача громадного количества энергии на значительное расстояние! Трасса, специально построенная для этого! Нет, на это способны только разумные существа! Выходит, «улитки» мыслят?

— Как думаешь, в каком направлении течет энергия? От плато или к плато? Это очень важно, — заговорил Азизов.

— Скорее всего к плато. Видимо, нашим «улиткам» не хватает энергии, вот они и получают ее откуда-то из глубинных районов.

Азизов в раздумье покачал головой, но ничего не сказал.

Адам вел вездеход вдоль светящейся трассы.

Внезапно в разрыве между скалами мелькнула...

— Командир! — Адам едва не вцепился Олмосу Азизовичу в плечо. — Там, смотри! — Тут же он развернул вездеход, кружась на одном месте.

Справа за скалами, далеко в стороне, горела точно такая же вторая трасса.

— Мы можем еще подняться? — спросил Азизов.

— Да, еще на семь километров.

— Поднимайся, Адам.

Вибрируя, «Беркут» пошел вверх. И едва ли не с каждой новой сотней метров в поле зрения космонавтов оказывалась новая светящаяся линия. Казалось, вся планета пересечена фосфоресцирующими трассами, которые нигде не пересекались. Автоматический информатор аккуратно записал данные в ячейки накопителя.

— Почему же мы не видели этого раньше?! — недоуменно воскликнул Адам.

— Ничего странного. «Алмаз» подстраивался под Годво и все время висел над дневным полушарием. Ваша группа дальше плато не выбиралась. А трассы, видимо, «работают» только ночью.

— Смотри, линии тянутся не только от нашего плато, но и от других. Неужели и там «домино»?

— Ах, Адам, Адам... Как много неожиданной информации! Справимся ли мы?

На пульте ярко вспыхнула лампа экстренного вызова хижины, продублированного резким звонком. Оба космонавта вздрогнули от неожиданности.

На связи был Беганас:

— Дядюшка, я хотел спросить — можно начинать?

— Что?

— Готовить ужин?

— И ты только из-за этого нас вызывал?!

— Нет, это я спросил попутно. А вообще-то пришло сообщение с «Алмаза». По инструкции я обязан доложить об этом немедленно.

— Ну, Беганас, бестолковая ты голова! С этого и нужно было начинать! Читай!

— Сейчас... Вот... «Азизову. Космический Центр ставит вас в известность, что «Буран» достигнет планетной системы Годво на две недели раньше запланированного срока. Начаты поиски подходящего астероида для «улиток». Рекомендуемое количество груза — не более 20 тысяч тонн. Бородкин».

— Двадцать тысяч тонн! — горько усмехнулся Азизов, глядя на окружающую темень, перечерченную яркими трассами. — Ничтожная пылинка...

Тут же он резко повернулся к спутнику:

— Адам!

— Да, командир...

— Сколько часов ты обычно спишь?

— Около пяти...

— Я тоже. Но теперь нам придется спать меньше.

— Вероятно...

— «Буран» прибьет раньше. Мы совершенно не знаем Ренэ. И нас всего двое.

— Хорошо, командир, — улыбнулся Адам. — Будем спать меньше. Но нас не двое, а трое.

Беганас тоже сын Земли.

— Кстати, насчет Беганаса... Ты бы не смог несколько перестроить его? Конечно, спасибо Питу, что он сделал из Беганаса весельчака... Но робот слишком много болтает. Ты не находишь?

Адам долго молчал, потом ответил:

— Ладно, я попробую.

— Вот-вот, попробуй. А пока возвращаемся в хижину. В такой темнотище все равно ничего не разберешь. Лучше исследуем трассу завтра утром.

* * *

С рассвета земляне были в долине. Азизов предложил вначале исследовать истоки огненной трассы. По видеозаписи следовало, что она брала начало прямо из основания горного хребта.

Космонавты вылезли из вездехода. Камни лежали в том же порядке, что и вчера днем. Ни сами камни, ни местность возле них ничуть не изменились. Ни по каким признакам нельзя было догадаться, что ночью здесь горела огненная струя.

— Мне ночью пришла в голову одна мысль, — в раздумье проговорил Азизов.

Адам вопросительно посмотрел на командира.

— «Улитки» не могут быть разумными существами, — продолжал тот. Разумные существа никогда не набросятся на корабль инопланетян, как это было в случае с «Фотоном», чтобы сожрать его без остатка. Хотя бы из чувства осторожности, свойственной всем мыслящим особям.

— Не будем забывать, однако, что жизнь на Ренэ имеет принципиально иную основу...

— Только по форме, Адам. Разум, в какую бы оболочку он ни был заключен, действует по законам логики.

— Между прочим, командир, ты заметил любопытную деталь? «Улитки» запросто сожрали наш «Фотон», а к «Бургуту» даже не приближаются? А ведь в нем тоже немало металла...

— Что из этого следует? — быстро спросил Азизов.

Адам задумался:

— Видимо, «улитки» что-то поняли...

Азизов с сомнением покачал головой:

— А может быть, «улиткам» дали команду не трогать наши объекты?

— А «Фотон»?

— «Фотон» прибыл на Ренэ неожиданно. Вероятно, это была первая посадка инопланетного корабля за всю историю планеты.

— Но кто мог дать такую команду? Кто влияет на поступки «улиток»? И что в таком случае представляют собой сами «улитки»?

— Вот, смотри...

Космонавты оказались у первого камня этой необычной трассы. По размерам и по цвету камень был такой же, как и все остальные. Вообще, все камни казались близнецами, сделанными по единому образцу в какой-то таинственной мастерской.

Первый камень лежал в семи метрах от отвесной скалы. Стена напротив камня была чуть вогнутой, и хотя ее поверхность представлялась необработанной, вряд ли эта вогнутость могла образоваться естественным путем.

Внимание космонавтов сразу же привлекла нижняя часть скалы, тянущаяся на пять-шесть метров в каждую сторону от оси трассы. Казалось, что в скалу вделана массивная плита из другой породы, усеянная глубокими овальными отверстиями. Именно на эти отверстия и

указывал командир Адаму. Отверстия все были овальные, но самых разнообразных размеров.

— Эти дырки естественным происхождением не объяснишь! — взволнованно проговорил Адам.

— Да, — кивнул Азизов. — Тебе не кажется, что они очень похожи на гнезда для «улиток»?

— Верно! Здесь они заряжаются энергией.

— Или разряжаются...

— Но как это определить?

Азизов опустил на корточки перед странной плитой.

— Помнишь, я обмолвился тебе, что ночью мне пришла в голову одна мысль?

— Да, но какая?

— Что, если «улитки» — это нечто вроде местных коров? Тогда все становится на свои места. «Улитки»-коровы пасутся днем на освещенных местах, выпивают энергию, с помощью которой извлекают из недр определенные вещества. Ночью же они идут на «дойку» вот к этой плите. И все, что они накопили за день, переправляется по энергомосту вот по этой трассе — в хранилище. Таким образом, наше плато, как, видимо, и другие, не что иное, как пастбище.

— Командир — ты гений! — воодушевленно воскликнул Адам. — И в самом деле, только безмозглые коровы могли принять «Фотон» за свалившийся с неба металлический метеорит и сожрать его. Но...

— Но?

— Если есть коровы, значит, должны быть и пастухи, и строители энергомостов, и просто потребители звездного «молока».

— Да. И наш долг — найти их.

— Установить контакт!

— И выполнить печальную необходимость — сообщить об участии Ренэ...

— А, может быть, спасти! — Глаза Адама вспыхнули благородным огнем. Командир, надо сообщить на Землю! Пусть пришлют другие корабли. Может быть, есть возможность вывезти всех?

Азизов покачал головой:

— Хорошо бы... Земле мы сообщим сегодня же... Но мы не знаем, сколько их... А пока нужно искать контакт, способ общения.

Безмерно усложнилась задача маленького экипажа! Если раньше речь шла о том, чтобы вывезти на какую-нибудь необитаемую планету небольшую часть «улиток», с тем чтобы необычная форма жизни не исчезла окончательно, то теперь предстояло позаботиться о спасении своеобразной цивилизации, достигшей достаточно высокой степени развития. Огромная ответственность легла на плечи двух людей.

Адам поднял вездеход над скалами, и они полетели вдоль пунктира черных камней. Лететь пришлось долго. Спидометр отсчитывал уже четыреста семьдесят шестой километр, когда показался конец трассы. Адам мягко приземлил машину. Люди выпрыгнули из кабины, устремившись вперед.

Однако и здесь они не обнаружили ничего необычного. Последний камень трассы лежал у основания обрывистой скалы, в которую была вделана такая же длинная узкая плита. Отверстий в плите не было, только в центре выделялся черный круг с размытыми краями диаметром около десяти сантиметров.

— Видимо, там, в недрах горы, скрыты преобразователи и аккумуляторы получаемой энергии, — предположил Азизов.

— А неорганики? — Адам тут же придумал термин для разумных существ Ренэ. — Неужели они обитают в подземельях?

— Возможно...

Космонавты обошли окрестности конца трассы, внимательно вглядываясь в каждый камешек, однако безрезультатно.

— Ничего нет... — вздохнул Адам.

— Не слишком ли много мы хотим? Ведь исследована ничтожная часть планеты.

— Но командир! Наш экипаж пробыл на Ренэ почти два года. Почему неорганики, раз они существуют, не пытались вступить с нами в контакт?

— А с вашей стороны предпринимались такие попытки?

— Нет. Мы даже не догадывались об их существовании.

— Вот видишь! А нам, землянам, гораздо легче прийти к мысли о возможности неорганической жизни, вообще о существовании разнообразных форм живой материи. Мы уже давно путешествуем по космосу, многое познали, кое-чему научились. А поставим себя на место обитателей Ренэ? Конечно же, им кажется, что если где-то и существует жизнь, то она обязательно неорганического происхождения. Поэтому они скорее всего могли принять за живое существо «Фотон», чем вас — его экипаж. Учти и то обстоятельство, что «Фотон» опустился на плато, числящееся у неоргаников, по-видимому, отдаленным краем. Так что узнали о вас они не сразу. Еще больше времени потребуется на то, чтобы осознать сам факт органической жизни.

— Да, но два года!

— Срок немалый. Но кто знает, может быть, они и предпринимали попытки к контакту, которых вы попросту не заметили.

— Честно говоря, нам было не до того. Главное для нас было обезопасить себя от «улиток».

— Вот-вот. Припомни, может, все-таки происходили какие-нибудь странные вещи? Особенно в последнее время.

Адам покачал головой.

— Так сразу не припомнишь. Но я подумаю.

— Обязательно подумай. Но это между делом. А главное для нас с тобой — придумать какой-нибудь способ контакта!

— Да, я понимаю!

Они еще раз прошли вдоль скалы. Ничего. Абсолютно ничего. Никаких следов деятельности разумных существ. Кроме самой трассы, естественно.

— Посмотрим, что делается на других трассах? — предложил Азизов.

— Да. Там есть и более длинные линии.

В кабине они изучили глобус Ренэ, на который автоматический самописец нанес все светящиеся трассы, увиденные ночью.

«Беркут» снова поднялся над скалами. До наступления темноты космонавты успели осмотреть еще две небольшие линии и одну гигантскую, тянущуюся едва ли не до экватора. Однако ничего нового так и не обнаружили.

В хижину возвращались глубокой ночью. Внизу то и дело вспыхивали энергомоюты. Информатор насчитал их уж несколько десятков, а ведь по-прежнему была исследована и даже не исследована, а только осмотрена малая часть Ренэ. Истекали вторые сутки пребывания людей на планете.

— Нет! — решительным тоном проговорил Азизов. — Я не верю, что на всей планете нет больше иных сооружений, кроме энергомоют. Нам нужно осмотреть все, всю поверхность, и как можно скорее. Вездеход слишком медлен. Надо сегодня же подготовить к старту «Бургут». Я тут прикинул если мы будем все время двигаться с солнечной стороны, то за двое суток сумеем осмотреть всю планету. Согласен?

Адам не отвечал.

Удивленный Азизов взглянул на него. Лицо механика было сосредоточенным, он напряженно о чем-то размышлял. Уловив на себе взгляд командира, встрепенулся и проговорил со смущенной улыбкой:

— Извините, задумался... Вы о чем-то спросили?

— Да, я говорил, что сегодня нужно подготовить к старту «Бургут». Будем с орбиты высматривать другие искусственные сооружения.

— Хорошо, к утру «Бургут» будет готов.

* * *

Проснулся Азизов рано. Было еще темно. Он посмотрел на часы: пусть Адам еще с часик поспит, намаялись вчера с «Бургутом». Сам же он встал, оделся и вышел из пещеры. На плато маячила длинная фигура Беганаса.

— Дядюшка, будете завтракать? — спросил робот.

— Спасибо, не хочется.

— Вот и братишка такой же, — сокрушенно вздохнул Беганас. — Я, между прочим, напомнил ему старую человеческую мудрость: «Завтрак съешь сам, обед подели с другом, ужин отдай врагу». И как вы думаете, что он мне ответил? — Робот закашлялся. — Даже повторять совестно.

— Значит, Адам уже на ногах? — рассеянно спросил Азизов.

— Давно на ногах, вернее, на колесах, — хихикнул Беганас.

— Что ты хочешь этим сказать?

— Ну, как же! Едва он вышел из пещеры, как завел вездеход и уехал. Значит, в данный момент он не на ногах, а на колесах. Верно? — Беганас вытянул шею, словно ожидал, когда его похвалят за смекалку.

— Уехал? Один? Когда это произошло? — Азизов был поражен.

— Сейчас скажу точно. Я-то записал на всякий случай. Вот. Один час сорок семь минут двенадцать секунд назад. Правда, пока я сказал эту фразу, прошло еще восемь секунд. Таким образом...

— Ах, Беганас, помолчи ради бога!

— Ради кого?

— Просто помолчи!

Командир ничего не понимал. Вчера вечером они с Адамом расписали сегодняшний день буквально по секундам. Через полтора часа нужно стартовать. Может быть, Адам вернется с минуты на минуту? Скорее всего так. Но почему он уехал, не предупредив? Азизов был раздосадован. Он посмотрел на комическую физиономию Беганаса и нахмурился еще суровее. Ведь просил же перестроить Беганаса! Тоже не сделано.

Азизов прошел в радиорубку «Бургута», включил пеленгатор. Дело в том, что вездеход был оборудован специальным радиоустройством, которое периодически испускало в эфир радиосигналы.

Сигнал был очень слаб, видимо, вездеход находился в глубоком ущелье между скалами. Командир ввел данные в ЭВМ. Так-так. Адам в самом конце трассы, которую они нашли первой. Лететь оттуда около часа. Значит, Адам появится еще не скоро.

Азизов нажал клавишу прямой связи и сухо проговорил:

— Адам, я жду тебя.

Тут же он выключил передатчик. У него не было никакого желания выслушивать

оправдания Адама.

Всегда поддерживая и поощряя в людях самостоятельность, Азизов терпеть не мог чрезмерной самонадеянности, скоропалительных решений, поступков, основанных не на тщательном анализе, а на эмоциях. В конце концов, Адам просто по-человечески обидел его своим поступком. Их, людей, всего двое на Ренэ. И если каждый начнет делать, что ему хочется... Азизов решил, что, как только Адам появится, он поговорит с ним сдержанно, но достаточно жестко.

Командир вернулся в хижину и принялся перелистывать вахтенный журнал экспедиции Пита Старка. Кажется, он уже наизусть знал каждую строчку, однако эти записи каждый раз будили новые мысли, заставляя по-новому взглянуть на ситуацию. Перелистывая хрустящие страницы, Азизов не заметил, как прошел час. Видимо, Адам уже вернулся. Командир встал и прошелся по комнате в предчувствии крупного разговора.

Вот шаги за дверью, деликатное покашливание. Видимо, чувствуя за собой вину, Адам не решался войти. Наконец дверь раскрылась. На пороге стоял Беганас с подносом.

— Простите, дядюшка, — заговорил он, моргая глазами-светильниками и шевеля картофелеобразным носом, — хоть вы и запретили беспокоить вас, но тем не менее вчера вечером я получил от вас же приказ подать завтрак за полчаса до рассвета, а кроме того, приготовить провизию на двое суток для двух человек.

— Хорошо, — терпеливо ответил Азизов. — Ты все исполнил?

— Естественно! А как же могло быть иначе?

— Тогда ставь приборы на стол и зови Адама.

Болтливый робот на этот раз ничего не ответил, а только переминался с ноги на ногу.

— Как! Ты хочешь сказать, что Адама еще нет?

— Я уверен, что он вот-вот подъедет. Адам очень дисциплинированный парень. Выпейте пока кофе, командир. Это успокаивает. Я для вас заварил по особому рецепту. Значит, так: берется ложечка...

— Черт знает что такое! — пробормотал Азизов, быстрыми шагами направляясь к «Бургуту».

До старта оставалось всего двадцать восемь минут. Если они не успеют взлететь вовремя, то придется заново пересчитывать всю программу полета, менять координаты, а это, как ни крути, несколько часов. Вчера далеко за полночь они с Адамом колдовали над ЭВМ, составляя оптимальный маршрут полета. Неужели Адам не понимает ситуации?

В радиорубке он резким движением включил приемник, определил пеленг вездехода. Тот по-прежнему находился в ущелье в конце трассы. Это по-настоящему возмутило Азизова.

— Адам! — позвал он.

Ответа не было. Лишь «Беркут» продолжал посылать сигналы радиомаяка.

— Адам! Адам! — крикнул Азизов, у которого впервые шевельнулось страшное подозрение.

И опять мерное попискивание в приемнике.

Азизов стремительно выбежал из корабля.

— Беганас! Беганас!

— Я здесь! — ответил верный робот.

— Настрой «Бургут» и хижину на автоматическую защиту с самоконтролем, сам собирайся в путь. Мы отправляемся.

— Слушаюсь! Однако могу ли я поинтересоваться характером путешествия, а также теми предметами, которые нужно прихватить с собой?

— Мы едем на поиски Адама. Возможна опасность. Вооружись.

Тут же, повернувшись, он опять вбежал в «Бургут», в его грузовой отсек. Здесь стоял укрепленный на особых амортизаторах второй — резервный — вездеход «Малыш». Прошло еще десять минут, прежде чем Азизов вывел его наконец на плато. Робот уже подждал и, балагурия, полез в кабину.

Резервный вездеход был менее универсален, чем «Беркут». Летать он мог только в вертолетном режиме. Азизов повел его над скалами, верхушки которых уже окрасились первыми ярко-оранжевыми лучами Годво. Внизу же, в ущельях, еще лежали густые сумерки. Окажись сейчас в вездеходе художник, он бы не мог не залюбоваться фантастической картиной огненного леса скал, как бы поднимающегося из разводов тумана. Но Азизову, хотя он отнюдь не был лишен чувства прекрасного, сейчас было не до красот местного ландшафта.

Приемник он все время держал включенным, а Беганасу поручил непрерывно вызывать Адама.

— Братишка! Адам! Уважаемый Адам! С тобой хочет говорить Беганас. Ответь, если уважаешь Беганаса! — надрывался робот.

Ответа не было.

Когда они наконец достигли конца трассы, диск Годво взошел уже достаточно высоко и осветил даже днище самых глубоких ущелий.

Они летели на небольшой высоте, атмосфера была по-прежнему прозрачной, и силуэт «Беркута» они увидели еще издали.

Азизов вздохнул. Все же вездеход цел, а то он уже начал опасаться, что машина стала жертвой «улиток».

Однако была какая-то странность в том положении, в котором «Беркут» замер у скалы.

Азизов осторожно опустился рядом.

— Эге, дядюшка! — воскликнул Беганас. — А дела-то плохи!

На сей раз робот был абсолютно прав. Азизов и сам видел это. Он мгновенно понял замысел Адама.

Тот решил сфокусированным лучом лазера осторожно слой за слоем прожечь тоннель в скале, чтобы добраться до подземелий, где могли обитать неорганики. Почти на три метра углубился «Беркут» в горные недра, но затем что-то случилось. Вездеход закупорил им же прорытое отверстие, из которого выглядывала сейчас лишь задняя половина машины. Все эти факты Азизов механически фиксировал в сознании. Жив ли Адам, вот единственное, что сейчас волновало его.

Чтобы открыть снаружи задний люк машины, пришлось пустить в ход электронный резак. Беганас орудовал этим инструментом быстро и с ювелирной точностью, но Азизову казалось, что робот непозволительно долго копошится. Он приплясывал на месте от нетерпения.

Наконец люк был вскрыт. Азизов протиснулся в кабину, оберегаемый защитным полем, которое направил на него Беганас. Передняя часть вездехода была повреждена, видеозэкран деформирован. Сквозь трещину в обшивке командир увидел тоннель, выкопанный вездеходом, и в конце его ребристый щит из блестящего металла. Из-за щита, который, видимо, был весьма тонок, доносился какой-то шум и гул, словно в подземелье работала тысяча машин.

Внутри кабина пострадала незначительно. Радиомаяк действовал по-прежнему. Теперь было ясно, почему он посылал такие слабые сигналы, ведь вездеход находился, по сути дела, в каменном мешке. Уцелели почти все приборы, вся исследовательская аппаратура. Даже глобус Ренэ по-прежнему матово поблескивал в полумраке.

Была уничтожена только лазерная установка, а также связанная с ней и питающая ее энергосистема вездехода. Если бы землянам пришла вдруг в голову шальная мысль вывести из строя именно эти узлы вездехода, оставив в полной неприкосновенности все прочее, вряд ли

они справились бы с такой задачей. Адам лежал в кресле и, видимо, давно уже находился в шоковом состоянии. Азизов прощупал его пульс и несколько успокоился. Затем осторожно подтянул Адама к заднему люку и передал его с рук на руки Беганасу.

— А все это случилось потому, что он уехал, не позавтракав, — не удержался робот.

Выбираясь из разбитого вездехода, Азизов случайно еще раз посмотрел сквозь щель в обшивке. Но странное дело! Никакого блестящего щита он уже не увидел. Вездеход упирался в грунт, самую обыкновенную скалу. Из ее недр не доносилось ни звука.

Однако сейчас было не до наблюдений. Надо было как можно скорее доставить в хижину Адама и оказать ему срочную помощь.

Устроив вдвоем с Беганасом пострадавшего в вездеходе, Азизов хотел было поручить роботу снять с «Беркута» все, что могло пригодиться впоследствии, но раздумал. Не потеряют ли они и Беганаса, пытаясь спасти остатки вездехода? Да и как он управится один, без Беганаса в хижине? Кто знает, быстро ли Адам встанет на ноги. Видимо, надо смириться с потерей «Беркута». И это в самом начале работы! Но на Адама он больше не сердился, хотя и предполагал, что теперь установить контакт с неорганиками будет значительно труднее.

Беганас кое-как втиснулся в вездеход, рассчитанный на двоих. Взлететь Азизов не рискнул и повел машину по долине вдоль черных камней, словно выжженных жаркими лучами Годво.

Беганас, как ни странно, очень долго молчал. И лишь когда наконец долина осталась позади, с самодовольным видом произнес:

— Восемьдесят девять тысяч шестьсот девяносто три!

— Чего? — не понял Азизов, то и дело с тревогой поглядывающий на Адама.

— Вот этих самых черных штуквин. Я их посчитал на всякий случай. Сам догадался. Вот!

* * *

Медицинский диагностизатор несколько успокоил Азизова. У Адама был только глубокий нервный шок. Не исключалось кратковременное воздействие несильного паралитического поля. Или чего-нибудь в этом роде. Рекомендуемый метод лечения: спокойный сон, электромассаж, растирание.

С терпеливостью многоопытной сиделки занялся Азизов выхаживанием больного. Верный Беганас помогал как мог, он бы в лепешку расшибся ради «братишки», если бы от этого зависело выздоровление.

Несмотря на старания человека и робота, Адам двое суток не приходил в себя. Пульс у него был ровный, дыхание спокойным, но обморочное состояние не проходило. Азизов уже всерьез подумывал, не поместить ли ему Адама в анабиозную камеру до прилета «Бурана».

Однако на третьи сутки произошло чудо. Адам зевнул, открыл глаза и приподнялся на локте, точно так же, как если бы он пробудился после обычного сна. Он осмотрел комнату и, увидев возле своей кровати всю медицинскую начинку хижины, густо покраснел.

— Адам! — дрогнувшим голосом тихо окликнул его командир. — Адам! Ты меня слышишь?

Тот медленно повернул голову от стены и посмотрел на Азизова влажными глазами:

— Командир... Я уже давно здесь? — спросил он.

— Не очень.

— Но все-таки?

— Это после, Адам.

Механик глубоко вздохнул:

— Прости меня, командир. Прости, если можешь. Я вел себя как мальчишка. Решил, что сам

смогу добраться до неоргаников... Поддался эмоциям...

— Рад, что ты понял это, — сдержанно ответил Азизов. — Однако как ты себя сейчас чувствуешь?

— Прекрасно, если иметь в виду физическое состояние. Вот! — Он быстро сел на кровати и напряг мышцы. — Руки-ноги целы... Голова тоже. Хотя могло быть хуже.

— Пожалуй, что так.

— А что с вездеходом?

— У нас есть резервный.

— Значит, погиб?

— Не переживай, Адам. Потерянного все равно не вернешь. Но уроки из случившегося извлечь можно.

Адам сжал ладонями виски:

— Боже, как все глупо! И главное — совершенно безрезультатно. Я ничего не помню. Абсолютно ничего после того момента, как вспыхнуло пламя. Ну да! Я рассчитывал пробурить отверстие, поглядеть, что у них там есть в подземелье и еще до твоего пробуждения вернуться в хижину с новостями. Лазер с легкостью врезался в скалу. Потом вдруг какие-то вспышки, яркий луч света... Я только успел зафиксировать, что силовая защита вездехода пробита, и тут меня начало обволакивать каким-то туманом... Больше не помню ничего...

— Хорошо, что ты догадался включить радиомаяк, — заметил Азизов. Мы, по крайней мере, узнали, где тебя искать.

— Но я не включал маяк!

— Как не включал? Ты что-то путаешь.

Адам потер лоб кончиками пальцев.

— Возможно... Да, но что нам теперь делать, командир?

— Не знаю. Во всяком случае, в районе трассы лучше пока не показываться.

У Адама был совершенно убитый вид. Он тяжело переживал последствия своего необдуманного поступка.

«Что я знаю об этом парне? — неожиданно поймал себя на мысли Азизов. — Что, кроме того, что он фанатично предан делу и хорошо знает свою профессию? Правда, он не из моего экипажа, не я выбрал его себе в напарники, нас свели обстоятельства. Однако мы вместе уже несколько суток и, кажется, могли бы за это время узнать друг друга получше. К сожалению, в космосе нередко случается иначе. Думаешь: а, ладно, впереди еще много времени, успеем поговорить по душам. Но день идет за днем, экспедиции заканчивают работу, люди расстаются, так и не узнав друг друга. Вот что обидно!» Ему захотелось как-то ободрить, утешить спутника.

— Не горюй, Адам. Найдем способ загладить свою промашку.

— Мою промашку. И не промашку, а глупость, — поправил тот.

— Ладно тебе. Оба хороши. И вот что... — Он наклонился к Адаму и прошептал: — Давай все-таки не преувеличивать своих оплошностей, не то Беганас потеряет к нам всякое уважение.

— Кстати, насчет Беганаса... — Адам умоляющими глазами посмотрел на Азизова. — Командир, ты просил перестроить его... Я не смог, извини. Мы с Беганасом вместе в экспедициях вот уже четыре года. Понимаешь, я не смог...

Азизов понял. Когда привыкаешь к роботу, то перестроить его характер, все равно что выгнать из дома любимую собаку.

Он прикоснулся к плечу механика.

— Это ты меня извини. Я не подумал, когда попросил тебя об этом. Хотя как командир обязан был учесть все обстоятельства. Пусть Беганас остается Беганасом. Идет?

— Спасибо, командир.

Выздоровление товарища обрадовало Азизова. Трогало и искреннее раскаяние Адама. «Нет, мы сработаемся, — с уверенностью решил командир. Выполним все, что надо. Вот только пусть Адам немного окрепнет». Глядя на осунувшееся лицо механика, его похудевшую шею, он испытал щемящее чувство, когда вспомнил случайную реплику Пита Старка о замкнутом характере Адама. Азизов сел в кресло рядом с кроватью механика и, доброжелательно улыбаясь, спросил:

— У тебя на Земле есть девушка?

— Нет, — хмуро ответил Адам.

— Ну... Чтобы у такого красивого парня не было девушки?.. — Азизов улыбнулся шире.

Адам повернул голову к стене, как бы демонстрируя свое нежелание продолжать разговор в таком тоне. Однако чувство вины перед командиром что-то перебороло в нем. Похоже, что и его тяготила некоторая официальность их отношений. Он тоже тянулся к более живым и товарищеским контактам.

— В нашем классе училась одна девушка. Ее звали Света, — с заметным усилием заговорил Адам. — Я знал, что нравлюсь ей. У нас были чисто товарищеские отношения. Правда, в ее присутствии я ощущал какую-то легкость, раскованность, чувствовал себя рыцарем. Но это казалось мне само собой разумеющимся. Я думал, что так будет всегда. — Адам вздохнул, выдержал небольшую паузу и продолжил: — Еще в школе я решил стать космолетчиком. Желание естественное и легко объяснимое: мои отец и мать не один год провели в экспедициях... И еще — я мечтал о необыкновенной, возвышенной, изумительной, потрясающей любви. Ну, например, что где-нибудь в космосе открою неизвестную планету, населенную очень красивыми людьми и меня полюбит самая прекрасная, самая поэтичная девушка этой планеты. Красота ее не будет поддаваться описанию. Нашей любви будет завидовать вся Вселенная, а лучшие поэты обитаемых миров всех галактик посвятят нам свои поэмы... Не больше не меньше. Только так.

— Не думай, что ты был тут так уж оригинален, — улыбнулся Азизов.

— После школы я поступил в Пражский университет на факультет эксплуатации звездолетов. Через несколько месяцев в Прагу переехали и мои родители, так что в Оставу, где жила Света, я больше не возвращался. Кстати, в том же году она стала студенткой Будапештского медицинского института... Жизнь моя была заполнена до предела — учеба, практические занятия, театр, гимнастические залы, стихи, вечеринки... Но все время меня не покидало чувство, что я лишился чего-то очень важного, прошел мимо чего-то значительного в своей жизни. Нет, дело вовсе не в том, что к тому времени я распрощался с наивными мечтами о надзвездной любви... Это естественный и закономерный процесс... У меня было все — и все-таки чего-то не хватало...

На строгом лице Адама появилось мечтательное выражение, он словно бы перенесся в дни своей юности.

— Первая моя звездная экспедиция оказалась не слишком продолжительной. Но все равно я здорово скучал по Земле. Ты наверняка и сам не забыл той сложной гаммы чувств, возникающей, когда первый раз возвращаешься со звезд к нашей голубой старушке. Тут и разочарованность мечтал сделать великое открытие, а собраны лишь крупички нового, и гордость — как-никак прошел обкатку космосом, и радость — впереди встречи с друзьями, родными, и... — Он взглянул на командира: — Собственно, чего я тебе рассказываю!

— Все нормально, Адам. — Азизов доброжелательно улыбнулся. Продолжай, пожалуйста. Я слушаю очень внимательно.

— Итак, посадка, разгерметизация корабля, медицинский осмотр. Вхожу, едва не насвистывая, в кабинет рентгенолога и вижу... Свету в белом халате. Вернее, халат я

рассмотрел уже потом. А вначале — ее глаза, большие, распахнутые, цвета бразильского кофе. И вот тогда в одну секунду я понял, чего мне не хватало все эти годы. Понял, что юношеские мечтания о «красивой» любви едва не заслонили от меня земную любовь, которая в тысячу раз прекраснее и притягательней. Мы забросали друг друга вопросами. Больше всего мне хотелось спросить ее тогда: «У тебя есть спутник?» Но я никак не мог отважиться. Боялся, что она скажет: «Да». Ведь прошло столько лет. Но она ответила: «Нет».

Адам улыбнулся. Что же касается Азизова, то он перестал улыбаться, ибо предчувствовал, что у этой истории очень грустный конец.

— Мы любили друг друга. Три года продолжалась эта сказка...

— Вы... расстались?

— Мы никогда не смогли бы расстаться...

Похоже, у этой истории был не только грустный, но и трагический конец.

— Света увлекалась дельтапланеризмом. Знаешь этот старинный вид спорта?

— Конечно...

— Я был как раз в экспедиции, когда на тренировках в Альпах она попала в восходящий поток воздуха. Редчайший случай... Ее нашли только через сутки на дне глубокого ущелья. Крылья разбились о скалы...

— Извини, Адам. — Азизов был потрясен. — Извини, что заставил тебя ворошить прошлое...

— Для меня это так и не стало прошлым. — Теперь лицо механика приобрело прежнюю суровость и задумчивость. — Все понимаю, но ничего не могу с собой поделать. Говорят — время лечит... Ничего оно не лечит.

Несмотря на то, что воспоминания пробудились в нем с новой силой, Адам не мог не заметить, что его рассказ расстроил командира. От этого ему сделалось неловко, и он переменял тему.

— А я знаю твою жену.

— Клару?

— То есть не то, чтобы знаю... Был как-то раз на выставке художников-любителей. По моему, у нее талант.

Азизов понял, чего добивался Адам, и подыграл ему:

— Со стороны, наверное, виднее. А что касается меня, то я до сих пор не научился делать женщинам комплименты. Даже собственной жене.

— Ты был на выставке вместе с ней.

— Значит, она затащила меня.

— Ты не любишь живопись?

— Живопись я люблю. Мастеров. А любители, честно говоря, навевают на меня скуку.

— Однако тогда у тебя был просто счастливый вид. Как и у твоей жены.

— Да, это правда, — ответил Азизов, стараясь случайно не травмировать Адама неосторожным словом: — Я счастлив. Мне уже сорок. Клару я встретил двадцать лет назад и до сих пор считаю, что мне повезло. Смею надеяться, она тоже так думает. — Он сказал это очень просто, но в его тоне прозвучала нежность.

— А где вы познакомились?

— На улице.

— На улице?

— Да. Помню, я вышел из библиотеки, смотрю, напротив у фонтана стоит девушка. Как выяснилось потом, она поджидала подругу. Она понравилась мне с первого взгляда. Я притаился за колонной, наблюдая за ней и боясь, что она вот-вот уйдет. Наконец я сказал себе,

что будет очень глупо, если мы не познакомимся. Но как это сделать? Почему-то на меня нашло необъяснимое смущение. Наконец я решился на отчаянный шаг. Решительно подошел к ней и говорю: «Девушка, пойдите со мной в кино». Она очень спокойно и внимательно посмотрела на меня и ответила: «Хорошо»...

Еще некоторое время продолжался их разговор. Наконец Азизов заметил, что Адам утомился. Видимо, силы механика пока не восстановились полностью. Несмотря на его протесты, Азизов подключил запястье Адама к регулятору сна. Через минуту механик крепко спал. Пусть выспится как следует, подумал командир, устанавливая стрелку регулятора на десять часов. Это для него лучшее лекарство, Азизов вышел из хижины, направляясь к плато.

«Бедный Адам, — думал он. — Но он не совсем прав. Время все-таки лечит. Хотя лучше не иметь необходимости лечиться временем от воспоминаний».

Где-то в глубине сознания он чувствовал, что сегодняшний разговор пошел обоим на пользу. Они стали ближе друг другу.

Он вышел на плато. Беганас вопросительно посмотрел на него:

— Дядюшка, как дела у братишки?

— Теперь все хорошо. Будь сегодня с ним поласковее.

— Ласковее, чем всегда? Я работаю на верхнем пределе ласковости.

— И все же постарайся.

* * *

Азизов поднял «Малыша», направляя его точно над трассой. Необходимо было заметить «Беркут» как можно раньше. Ибо возможны два варианта.

Первый — вездеход находится в прежнем положении, то есть наполовину в скале. Если неорганики его не тронули — это хороший признак. Значит, они правильно оценили ситуацию. Поняли, что произошла досадная ошибка, и не стали ее связывать с агрессивностью землян. Или, по крайней мере, решили выждать. Это хорошо. Тогда возможен относительно быстрый контакт.

Второй вариант — вездеход уничтожен. Это могло бы быть или демонстрацией оборонной мощи неоргаников, или явным недружелюбным актом, или жестом отчаяния не разобравшихся в ситуации мыслящих существ. Тогда возможность контакта значительно затруднялась.

Итак, прежде всего нужно увидеть «Беркут». Тогда станет ясно, как вести себя дальше.

Показались высокие вертикальные скалы, венчающие собой трассу. Азизов навел в ее основание телескоп и припал к окуляру. Чуть левее... Так! Он едва не вскрикнул от неожиданности. Он предполагал все что угодно, но только не это. Никакого отверстия в скале не было. На том месте, где Адам предпринял попытку проникнуть в глубь горного хребта, выступала такая же горная порода, твердая и пористая. Но самое удивительное заключалось не в этом. Рядом со скалой стоял «Беркут», на котором не было видно никаких следов повреждений, по крайней мере, с такого расстояния.

Азизов подлетел ближе, не отрываясь от окуляра. Сомнений не оставалось. Вездеход был полностью восстановлен, словно он побывал на лучшем ремонтном заводе Земли.

«А что, если это ловушка?» — на миг мелькнула у командира мысль, но он тут же ее отогнал. Если бы неорганики решили причинить землянам зло, они могли бы сделать это давным-давно, хотя бы тогда, когда Азизов вытаскивал Адама из «Беркута».

Решительно он направил «Малыша» вниз и посадил его рядом с вездеходом. Затем выбрался из кабины и обошел возрожденный «Беркут» кругом. Так-так. Все восстановлено до мелочей. Все, кроме лазерной пушки. И в этом, возможно, заложен глубокий смысл. В остеклении ни

малейшей трещинки... Задний люк, через который он вытаскивал Адама, по-прежнему слегка приоткрыт.

Азизов протиснулся в кабину. Часть ее в то злополучное утро была повреждена. Ныне и здесь все восстановлено. Причем с каким поразительным мастерством! Насколько точно! Он наклонился к панели. В тот раз панель почти полностью сгорела. Раньше вот здесь, внизу, красовалась большая буква В, которую кто-то нацарапал острым предметом. Азизов наклонился и даже вздрогнул, увидев внизу четкий контур буквы. Что же выходит? Что они дотошно изучили конструкцию вездехода? Вплоть до мельчайших деталей. Значит, они бывали и внутри? Проникали беспрепятственно через силовое поле, защиту, проходили незамеченными мимо сверхбдительного Беганаса? Или они владеют каким-то иным методом восприятия информации об окружающем мире?

С некоторым волнением он нажал клавишу запуска левой поворотной турбины — вспомогательного двигателя вездехода. Турбина тонко запела, шкала приборов осветилась. Дрогнула и стронулась с места стрелка. Азизов поочередно испытал остальные турбины. Каждая работала безупречно.

Наконец, решившись, он запустил главный двигатель. Сначала на малых оборотах, затем все больше и больше увеличивал тягу. Приборы не зафиксировали ни одного нарушения параметров.

Итак, неорганики сумели починить в считанные часы машину, изготовленную на другой планете, другой цивилизацией, абсолютно непохожей на здешнюю по своим внешним признакам. Одного этого было достаточно, чтобы судить об уровне их развития.

А радиомаяк? Адам говорил, что специально отключил его. Но ведь после взрыва маяк работал. Кто же вновь включил его? Неорганики? Выходит, эти существа смогли разобраться не только в земной технике.

«Планета неповоротливых «улиток», — вспомнил Азизов свои первые суждения о Ренэ. Как жестоко наказаны теперь земляне за свою самоуверенность. Наказаны потерянным временем, потерянными знаниями, упущенной возможностью пообщаться с себе подобными по разуму.

Он подошел к резервному вездеходу; поставил его на автоматическое регулирование хода и возвратился в «Беркут».

Перед тем как подняться в кабину «Беркута», внимательным взглядом осмотрел окрестности, трассу из черных камней, уходящую за горизонт, пористую поверхность оранжевых скал. Нигде ничего нового, абсолютно ничего, что можно было бы соотнести с жизнью. Ничего, кроме живых «улиток», до сих пор обнаружить им не удалось.

А, может быть, они, земляне, просто не умеют как следует смотреть? Может быть, каждый день перед их глазами свершается что-то необычное, чего они не замечают? Может, их метод поиска слишком традиционен? И они никак не могут перестроиться... А вот неорганики сумели же!

Он развернул «Беркут». Сзади пристроился «Малыш». Маленький караван двинулся по долине.

* * *

Увидев, что к пещере возвращаются оба вездехода, Беганас принялся приплясывать от радости.

— О, дядюшка! Ты, оказывается, великий мастер! — крикнул он Азизову. — Преклоняюсь перед твоим талантом! И когда ты только успел отремонтировать нашего «Беркутенка»? Да еще так здорово?!

— Попозже все расскажу, — пообещал Азизов. — Поставь оба вездехода в ячейки, разогрей обед и приходи в гостиную. Тебе тоже полезно будет послушать.

С момента, когда он покинул Адама, прошло девять с половиной часов. Механик по-прежнему лежал на кровати, усыпленный специальным аппаратом. Азизов проверил последние показания диагностизатора и отключил клеммы.

Через несколько минут Адам открыл глаза. Глубоко вздохнув, он сел на кровати.

— Кажется, все! Чувствую себя великолепно. Голоден, как бык! Беганас!

Робот вкатил в комнату столик с яствами.

— Вот это дело! — Тут Адам взглянул на часы и присвистнул: — Ого, сколько я бездельничал! Командир, а ведь ты, наверное, не терял времени даром? Есть новости?

— Есть, — сдержанно ответил Азизов, но по его тону и механик и робот поняли, что произошло нечто серьезное.

Немного словно, но не упуская ни одной существенной детали, командир рассказал им о случившемся.

— Ой, дядюшка! У меня аж мурашки пробежали по коже! — воскликнул Беганас, когда Азизов закончил.

Услышав, что неорганики восстановили «Беркут», Адам не утерпел и помчался на плато, чтобы своими глазами увидеть восстановленный вездеход. Вернулся он восторженным, крепко сжал руки.

— Итак...

— Итак, нам, судя по всему, предлагают контакт.

— Да, да! Именно предлагают!

— И, возможно, уже ждут нашего ответного шага.

Всех охватило необычайное возбуждение. Даже робот забыл, что надо кормить подопечных. Люди, не в силах усидеть на месте, быстрыми шагами расхаживали по комнате.

— Нужен ход. Простой и вместе с тем символический ход. Чтоб неорганики сразу же поняли нас и сделали второй шаг, — говорил Азизов.

— Черт возьми! — Адам ерошил густые волосы. — И как назло, ни одной путной мысли.

— Думайте! Думайте! И ты, Беганас, тоже! — просил, требовал, заклинал Азизов. — Мы обязательно должны дать понять неорганикам, что прибыли с миссией доброй воли.

Собственно говоря, у людей уже давно была разработана методика контактов с инопланетянами. Но в ее основе лежала идея общения двух однотипных цивилизаций, представителей органического мира. На Ренэ пользоваться этой методикой не имело смысла.

— Напоминаю вам главное, друзья, — с ударением произнес Азизов. Контакт с неорганиками нужен не сам по себе, хотя, конечно, он интересен в любом отношении. Наша основная цель — предупредить их о надвигающейся катастрофе и предложить свою посильную помощь. Кто знает, может быть, теперь дорог каждый час.

— Сколько хлопот из-за того только, чтобы сказать кому-то пару теплых слов, — пробурчал Беганас. — По-моему, лучший способ — это угостить их хорошим обедом. Уж тогда они не устоят.

Оба космонавта посмотрели на него с такой укоризной, что робот сконфуженно замолчал.

Внезапно Азизов стремительно подошел к Беганасу и потребовал:

— Что ты сказал? Повтори!

Робот совсем растерялся:

— Да я просто так сказал... Не подумав... Я больше не буду, честное слово... Меня просто настроили таким образом. Я не виноват. Иногда чувствую, что говорю глупость, а удержаться не могу...

Он продолжал бы оправдываться и дальше, но совершенно неожиданно Азизов улыбнулся и дружелюбно погладил робота по квадратному плечу.

— Молодец, Беганас! Толковую мысль подсказал!

Беганас, хотя ничего и не понимал, тут же принялся улыбаться и бахвалиться:

— Вообще-то, если подытожить, сколько хороших идей родилось в моей мозговой коробке, так не хватит всех ячеек памяти во Вселенной! — Сказав это, он крикнул, сообразив, что переступил все пределы нескромности, и потупил взор.

— Что за идея? — спросил Адам, почувствовавший по тону командира, что искомое, возможно, найдено.

— Ты говорил, что «улитки» с жадностью набросились на «Фотон», верно?

— Да, обглодали его в момент.

— Видимо, металл в чистом виде на Ренэ большая редкость?

— Во всяком случае, в районе плато нам его обнаружить не удалось.

— Вот я и предлагаю...

— Угостить неоргаников металлом?

— Да. Вернее, честь этого открытия по праву принадлежит нашему другу Беганасу. — Он с шутилой почтительностью склонил голову перед роботом.

Робот был на седьмом небе от счастья. Нечасто электронно-позитронным машинам, даже таким сложным, как Беганас, приходится слышать подобные слова.

Робот все еще переживал свой триумф, когда люди занялись обсуждением деталей своего проекта.

— Что мы сумеем им предложить? — спросил Азизов.

— Пройдем в «Бургут», — предложил Адам. — Авось что-нибудь сыщется.

Тут же, не теряя времени, они направились в посадочный блок.

— Вообще-то, это наилучший вариант, — с жаром говорил Адам. Во-первых, мы даем им знать, что осведомлены о важности для них металла. Во-вторых, что ни говори, это подарок, дар, то есть акт доброй воли. В-третьих, это практичный подарок, который можно использовать для дела. В-четвертых...

Они поднялись в «Бургут» и открыли камеру, где хранились аварийные запасы материалов и инструмента. Недостатка в металлах здесь не было. Десятки различных металлов в виде листов, слитков, проволоки, брусков были аккуратно уложены в прозрачные контейнеры.

— Что же нам отобрать? — задумчиво спросил командир. — Ты не обратил внимание, какие именно металлы вызвали повышенный аппетит «улиток»?

— Медь и серебро.

— Отлично. Тогда именно их и возьмем.

— Да. Но в каком виде?

— Я предлагаю в виде брусков. Что ни говори, у брусков объемная геометрическая форма, которую можно придать только искусственным путем.

Тут же они погрузили в «Беркут» несколько брусков серебра и меди.

— А где мы их сложим?

— В конце трассы. Там же, где они поставили вездеход.

Обнадеженные удачной идеей, люди заметно успокоились и только тут заметили, что над плато уже давно наступила темная ночь. Где-то там, в темноте, слышался шорох, видимо, «улитки» полезли на «дойку».

— Все же времени терять не будем, — проговорил Азизов. — Сейчас быстренько пообедаем, то есть поужинаем, правильнее сказать, подкрепимся стряпней Беганаса — и в путь! Выложим бруски, а завтра утром проверим, как на них отреагировали.

* * *

Точно так же горели внизу — в долинах — огненные трассы, вспышки пламени то тут, то там неярко освещали причудливо изрезанные горные хребты.

Адам аккуратно приземлил «Беркут» неподалеку от конечного черного камня.

Космонавты вынесли из вездехода пластмассовую подставку, похожую на невысокий столик, и разложили на ней в ряд привезенные бруски металла.

По-прежнему местность вокруг казалась пустынной и безжизненной.

— Послушай, командир, — непривычно тихим голосом проговорил Адам, что, если тут неподалеку установить несколько кинокамер? Скрытно...

Азизов отрицательно покачал головой.

— Нет, Адам, — мягко сказал он. — Это ведь не охота на диких зверей. Ты понимаешь?

— Извини, командир.

Даже густая темень не могла скрыть того, что Адам покраснел.

— Я опять поспешил, но это в последний раз, обещаю.

* * *

Вернувшись, они поспали около трех часов и задолго до рассвета были снова в пути. Обоим не терпелось поскорее увидеть, что с металлическими брусками. Азизов все же предложил не форсировать события и отправиться в путь с таким расчетом, чтобы оказаться в долине с первыми лучами Годво. ...Пластмассовую подставку они увидели в телескоп еще издалека, но различить, лежат ли на ней бруски, пока не удавалось.

Адам вел вездеход над самыми скалами и то и дело поворачивался к Азизову, который не отрывался от окуляра.

— Ну? Видно что-нибудь?

— Пока нет.

Наконец командир откинулся на спинку кресла, отвернув от себя телескоп. По его виду Адам все понял, однако задал бестолковый вопрос:

— Лежат?

— Да.

— Выходит, они не поняли?

— Возможно.

— Или не захотели понять?

— Но зачем тогда они восстановили вездеход?

— Из чувства гуманизма, свойственного всем высокоразвитым цивилизациям.

Адам вздохнул:

— Значит, они нам не доверяют... А жаль... Тем самым они губят себя... — Он с силой ударил кулаком по панели: — Это все по моей вине! Я виноват!

— Нет, Адам. Тут что-то другое, — задумавшись, ответил командир.

Адам мягко посадил «Беркут». Оба космонавта вышли на поверхность Ренэ и подошли к подставке с брусками. Сомнений не было. Бруски те самые, с «Бургута». Вон и клеймо стоит на торце.

— Может быть, они их не видели? — предположил Адам.

— Не думаю. Ведь бруски лежат на том самом месте, где стоял вездеход. Неорганики наверняка контролируют эту точку. Во-первых, их не могло не заинтересовать, вернемся мы за

вездеходом или нет, заберем его или нет. Мы вернулись, забрали его, получив тем самым информацию. Мы приняли решение передать неорганикам эти предметы. Как лучше это сделать? Конечно, поместив их в ту же точку, в которой произошел косвенный контакт.

— И все-таки бруски на месте...

— Не понимаю...

— Они к ним даже не прикасались!

— А вот этого как раз утверждать нельзя...

Азизов, а вслед за ним и Адам принялись внимательно изучать каждый брусок, затем подставку, для чего обоим пришлось опуститься на колени. Они дотошно осмотрели даже местность вокруг подставки, но тщетно! Не было даже малейшего намека на то, что сюда приближался кто-либо.

Закончив осмотр, космонавты подошли к скале, к тому месту, где несколько дней назад Адам пытался пробиться вглубь. Разрушенный лазером грунт был восстановлен с таким искусством, что люди так и не смогли разыскать точного местонахождения бывшего тоннеля.

— Нет! — с силой вдруг воскликнул Азизов. — Я не верю. Не может быть, чтобы две цивилизации, зная о существовании друг друга, не стремились взаимно к контакту.

— Но ведь ты видишь...

— Значит, мы неправильно рассчитали! Чего-то не учли. Значит, надо искать другой вариант. Третий! Четвертый! Искать, Адам. Понимаешь искать!

— Будем искать...

В это время завывала сирена экстренной связи. Она выла всегда, если поступал сигнал, а в кабине никого не было. Космонавтов вызывал Беганас. Роботу было строго наказано пользоваться этим каналом лишь в чрезвычайных обстоятельствах. И если Беганас решился — значит, действительно произошло нечто важное.

Люди бросились к кабине. Азизов нажал клавишу:

— Ну, Беганас, что случилось?

— Товарищ командир! — послышался взволнованный голос робота.

Ого! Официальное «товарищ командир» вместо шутливого «дядюшка»! Не мог Беганас из-за пустяков перейти на официальный тон. Оба космонавта замерли в предчувствии необычных новостей.

— Ну, что? Не тяни!

— Приезжайте, пожалуйста, поскорее на базу.

— Да что случилось?

— Тут такое! Не знаю даже, как объяснить... Словом, приезжайте поскорее.

* * *

Они мчались к хижине на предельной скорости. У обоих, как они выяснили впоследствии, зародилась одна и та же мысль: на базу пожаловали обитатели Ренэ.

Однако дело было не совсем так, хотя и имело видимую связь с неорганиками. Азизов и Адам поняли это, подлетая к «Бургуту».

Неподалеку от входа в пещеру, примерно метрах в двухстах от нее, на плато высился огромный столб.

Только подлетев ближе, они смогли оценить его по достоинству.

Столб был высотой не менее десяти метров и в сечении представлял собой квадрат со скругленными углами. Сложен был из кусочков горной породы размером не более человеческого кулака. Камешки скреплялись между собой бисеринками какого-то желтоватого

прозрачного вещества, напоминающего янтарь.

Необычность же этого столба заключалась в том, что он имел значительный наклон, вроде знаменитой Пизанской башни, только более заметный. Казалось, еще чуть-чуть, и он рухнет. Во всяком случае, ни один благоразумный человек не встал бы под ним. Беганас, дорожающий своей начинкой, также старался держаться от него подальше.

А на самой вершине столба покоился какой-то блестящий шар диаметром около полутора метров.

Как ни расспрашивали люди Беганаса, многого рассказать робот не смог. После их отъезда он сразу же пошел в пещеру, занялся уборкой хижины, прочими хозяйственными делами, которых накопилось немало. Словом, внутри пещеры он провел несколько часов. Потом вышел на минутку, чтобы взглянуть на «Бургут», и сразу же увидел этот столб.

— Видимо, столб появился ночью, — повернулся Азизов к Адаму. — Мы с тобой уехали, когда еще было темно, поэтому не могли его заметить. Беганас, как нарочно, затеял уборку.

— Если вам больше нравится, чтобы я караулил столбы, которые появляются неизвестно откуда, я могу заняться этим. Но скажите, по крайней мере, когда я должен производить уборку?

— Впрочем, суть не в этом. Они сделали второй шаг. Ты понимаешь, Адам?

— Это-то я понимаю. Но не больше. Какой смысл им было придавать столбу такой наклон? Посмотри, он почти критический. Или это новая демонстрация мастерства? Точности расчета?

— Не думаю. Однако уверен, все это сделано неспроста. И потом — шар. Что он символизирует?

— Ладно. Они не трогали наши бруски, а мы не прикоснемся к их столбу. Посмотрим, что из всего этого получится. Так и проторчим два месяца у взаимных даров.

— Да, Адам. Именно сейчас нам и не следует проявлять торопливость. Видимо, они тоже ищут наилучшие варианты общения с нами. Мы ошиблись с брусками, они, возможно, не лучшим образом придумали с этим столбом. Но то, что они ищут контакт с нами, совершенно ясно.

— Что будем делать?

— Ждать их действий и пытаться действовать самим.

У столба они простояли тем не менее около двух часов, строя разнообразные планы. Однако неудача с брусками, а теперь сознание того, что им не под силу разгадать скрытый смысл наклонного столба с шаром на вершине, наложили определенный отпечаток на ход их мыслей. Они так и не придумали ничего толкового.

Между тем припекало все сильнее. Годво находился почти в зените. Для «улиток» наступила самая благодатная пора. Они почти не передвигались. Подставив ярким лучам овальные спины, вдоволь заряжались энергией. Космонавты обратили внимание, что в районе столба «улиток» абсолютно не было, как будто неведомые пастухи специально отогнали свои стада подальше.

— Похоже, ничего необычного в ближайшее время не произойдет, проговорил Адам.

— Пойдем в хижину, — решил Азизов.

— Я сварю вам кофе, — вызвался Беганас.

— Нет, — отозвался командир. — Сегодня у нас будет самообслуживание. А ты, пожалуйста, оставайся на плато и не спускай со столба глаз. Твое зрение точнее нашего. И за окрестностями следи. Если что, сразу же зови. Впрочем, мы уходим ненадолго.

В хижине командир сказал Адаму:

— Мне кажется, они скоро дадут о себе знать.

— Тогда выйдем на плато?

— Не знаю, — откровенно признался Азизов. — Может быть, им как раз было нужно, чтобы мы ушли с плато?

— А не принимают ли они Беганаса за разумное существо, а нас с тобой за роботов?

— Сейчас можно строить любые предположения. Но чем больше промахов мы все совершим, тем больше потеряем времени. — Азизов вытер вспотевшее лицо платком и признался: — Я начинаю жалеть, Адам, что нас на Ренэ так мало.

— Но кто знал, что все так сложится? Если бы тут обитали одни «улитки», у нас с тобой не было бы и половины нынешних хлопот.

— Скорее бы прилетел «Буран»!

В это время послышался какой-то неясный гул, почва несильно, но ощутимо дрогнула под ногами.

Космонавты переглянулись и бросились наружу. У самого выхода из пещеры они столкнулись с Беганасом.

— Ну, друзья мои, — решительно заявил им робот, — вы как хотите, а я в такие игры больше не играю. Сначала эти столбы неизвестно как вырастают у тебя под носом, а потом ни с того ни с сего разваливаются прямо на глазах.

— Что ты там плетешь?

— Я не плету, а правду говорю, — обиделся Беганас. — Не верите, посмотрите сами.

Люди выбежали из пещеры. От могучего столба осталась жалкая рогулька, чуть возвышающаяся над землей. Рядом валялась груда камней — все, что осталось от странного сооружения. Шар разбился вдребезги, словно был стеклянный.

— Может быть, произошло землетрясение, оттого он и упал? — спросил Адам. — Помнишь гул?

— Нет. Гул и сотрясение — это как раз следствие падения столба.

Тут же выяснилось, что предусмотрительный Беганас с самого начала снимал столб на кинолентку. Они вернулись в хижину и просмотрели записи. Стало ясно, что ссылки на землетрясение, внезапный порыв ветра и прочие подобные причины не имеют оснований. Столб упал, рассыпался на части без всякой видимой причины.

* * *

Что ж! Может быть, неорганики сделали еще один шаг, дали землянам еще один повод для размышления? Однако он был еще непонятнее, чем первый сооружение столба. Если в сооружении столба был все-таки некоторый практический смысл, угадываемый интуитивно, то разрушение постройки казалось полной бессмыслицей.

— Быть может, они разрушили столб, убедившись в нашей полной неосведомленности? — устало спросил Адам.

Азизов ничего не ответил. Оба чувствовали себя подавленными. Уже в течение нескольких часов неорганики на что-то упорно намекали землянам, но те никак не могли понять их намеков.

Беганас, пытаясь развеселить своих хозяев, выдал несколько анекдотов с бородой, однако никто его не слушал, и верный робот мало-помалу умолк, занявшись мытьем посуды.

Он поставил на поднос чашки с остатками кофе, который варил Адам, и с отвращением воскликнул:

— Этот ваш кофе такой же черный, как ваша «черная дыра». Неужели непонятно, что это очень вредно для здоровья? А еще люди называются! Нет, никогда больше не доверю вам кухню... — Он еще долго ворчал себе под нос в таком духе.

— Да, как «черная дыра»... — бессвязно в тон роботу пробормотал Адам. — «Черная дыра»... «Черная дыра»! — Он вдруг вскрикнул, рассмеялся и принялся хохотать, показывая великолепные ровные зубы.

Азизов с недоумением посмотрел на него:

— Адам, что с тобой? Успокойся.

— Ха-ха-ха! Боже мой! Как все просто, — еле-еле проговорил тот сквозь смех.

— Что? Что просто?

— Со столбом...

Так же внезапно Адам перестал хохотать и, вдохновенно, отчаянно жестикулируя, принялся пояснять:

— «Черная дыра»! Понимаешь, «черная дыра»! Мы совершенно забыли о ней, а неорганики предупреждают нас, что Ренэ находится в зоне ее влияния. Они дают нам понять, что знают о «черной дыре», и просят нашей помощи!

Азизов выслушал этот эмоциональный монолог не перебивая, хотя понял спутника с полуслова.

— Ты прав! Ты прав на сто процентов, клянусь! Здесь все было построено на символах. Блестящий шар — это Ренэ, наклонный столб меняющаяся гравитация. А обрушившийся столб и разбившийся шар — грядущая гибель Ренэ! Они сумели это установить!

Апатия, в которой только что пребывали космонавты, сменилась вдохновенным подъемом. Найден был ключ к контакту. А главное, победил принцип целесообразности, единый для всей Вселенной. Казалось, нет ничего невозможного. Люди с необыкновенной легкостью нащупывали логические связи там, где раньше им виделись разрозненные факты.

— Вспомнил! Вспомнил! — вдруг вскричал Адам, радостно сверкая глазами.

— Что именно?

— Ты ведь спрашивал меня, не случилось ли у нас чего необычного после гибели «Фотона»?

— Ну?

— Так вот! Я вспомнил. Был один случай.

— Говори, Адам!

— Почти так же однажды рухнула скала перед пещерой. Нам поначалу казалось, что ее не было. Но мы не были уверены, потому что в основном думали о спасении. Так вот, неподалеку от пещеры высилась скала, и через несколько дней она рухнула. Мы поначалу думали-гадали, отчего бы это? Но чуть позднее наступил сезон больших ветров, и мы решили, что скалу свалил нечаянный порыв ветра. А потом были другие дела, и случай со скалой вскоре забылся. А, видимо, уже тогда нам давали знать о том, что гравитация растет.

— Да, да, конечно! Только тогда гравитация росла медленнее.

— В общем, тогда мы это дело прошляпили.

— Ничего, Адам! Зато теперь мы с тобой точно знаем, чем заняться.

Адам вопросительно посмотрел на командира.

— Ты не догадываешься, почему неорганики оставили в неприкосновенности наши бруски меди и серебра? — спросил Азизов.

— Ждали нашего следующего шага?

— Нет! Медь и серебро им уже не нужны. Видимо, необходимые запасы их созданы.

— Так... — взволнованно откликнулся Адам. — По-моему, ты угадал. Если они знают о «черной дыре», значит, ищут путь спасения. Вероятно, строят космические корабли... Конечно же, им нужны тугоплавкие и жаропрочные сплавы...

— Теперь ты понимаешь, что мы должны сделать?

Некоторое время оба молчали.

— Предлагаешь отдать им весь металл? — тихо спросил наконец Адам.

— Да, кроме установки связи. Но главное...

Опять воцарилось молчание.

— «Буран»?

— Да, «Буран». Видишь ли, Адам, я не думаю, чтобы они могли далеко продвинуться в области космоплавания. Во всяком случае, достаточного количества ракет они не создадут.

— Контакт мы установим в ближайшие дни наверняка, — уверенно продолжал Азизов. — Мы охарактеризируем все окрестные планеты — у них будет выбор. И как только прилетит «Буран», начнем челночные рейсы...

— Справится ли «Буран»? — с сомнением покачал головой Адам.

— Будем перевозить до тех пор, пока «Буран» сможет взлетать.

— Пока «Буран» сможет взлетать, — как эхо повторил Адам. — Наверное, есть смысл вызвать и другие корабли?

— Обязательно! — отозвался Азизов. — А пока надо точно определить, сколько времени у нас в запасе. Эй, Беганас!

Робот, кряхтя, вышел из пещеры.

* * *

Робот выносил на плато измерительную аппаратуру, удовлетворенно бормоча при этом:

— Ну вот! Наконец-то и для Беганаса нашлась подходящая работенка. Хе-хе! Беганас докажет, что умеет не только стряпать да прибирать! Хм! Беганас знает себе цену...

Тем временем люди тоже не сидели без дела. Азизов предложил установить радиотелескоп на вершине одной из скал! Тогда с наступлением темноты, когда «черная дыра» окажется в зоне наблюдения, можно будет сразу же замерить ряд параметров, без которых невозможно рассчитать гравитационные данные. Собственно, этой работой они рассчитывали заняться недели через полторы, ближе к прилету «Бурана». Однако теперь не приходилось жалеть о спешке.

Радиотелескоп в разобранном виде находился в одной из камер «Бургута». Две дюжины небольших, но довольно емких ящичков. Использовать для переноски Беганаса было нельзя. Роботу дел хватало. Поэтому люди сами стали заниматься транспортировкой, что, собственно, было хорошей физической зарядкой.

Затащив ящики наверх, они сели передохнуть. Отсюда — со скал — была хорошо видна значительная часть плато — плоская равнина, на которой на оранжевом фоне выделялись темные пятна «улиток».

Там копошился Беганас.

— Интересно, когда неорганики сделают следующий шаг? — спросил Адам.

— В самом скором времени, — с уверенностью ответил Азизов.

— Какой, как думаешь?

— Трудно предположить. Однако считаю, они тоже понимают, что тянуть нельзя; переговоры нужно форсировать...

— Значит, предполагаешь... Они явятся? Интересно, на кого все-таки они похожи? — задумавшись, произнес Адам.

— Не будем гадать. Но в любом случае уверен, мы быстро привыкнем друг к другу. А пока, друг Адам, давай-ка займемся делом.

Адам включил переносной рыхлитель и подровнял площадку для телескопа, затем они распаковали ящики и принялись собирать прибор старинным дедовским способом — с

помощью гаечных ключей и отверток — так им нравилось. Работа увлекла обоих, они почти не переговаривались, только иногда слышалось: «Поддай ключ!», «Подержи здесь, пожалуйста».

Наконец радиотелескоп был собран. Уже начало смеркаться. Годво катился за горизонт. Еще два-три часа, и можно начинать наблюдения. Беганас закончил, видимо, свою миссию и сейчас, стоя у пещеры, подавал людям знаки.

Космонавты спустились на плато.

— Как дела, Беганасик?

— Отлично! Робот дело знает! Вообще вам повезло со мной. Все рассчитал с точностью до десятого знака после запятой, но я могу и до пятнадцатого.

— Нет смысла, Беганас.

— Ну, тогда давай мне данные по «черной дыре», я введу поправку и через тридцать секунд выдам конечный результат.

— Чуть-чуть позднее, дорогой. Вот только стемнеет...

Все трое направились в хижину.

У самого входа в пещеру Азизов остановился.

Небо на востоке уже было черным, блеснули первые звезды.

Вот так же когда-то, думал Азизов, человек Земли смотрел ввысь, наивно полагая, что, дай ему крылья, и он достигнет звезд.

Прошли века. Мы, земляне, стали безмерно могучими. Мы исследовали сотни звезд, десятки систем. Но по-прежнему Вселенная открывает перед нами все новые и новые тайны.

Нет предела познанию.

Вечен путь к совершенству.

Бессмертна жизнь.